

Оксана Ушакова

Вселенная
Резонанс.
Пробуждение.
Книга 1

Оксана Ушакова

Вселенная Резонанс.

Пробуждение. Книга 1

<https://litres.ru/74169664>

SelfPub; 2026

Аннотация

Цикл «Резонанс». Книга 1.

2026 г. Москва. Снег, слякоть, пробки — привычный городской шум. Светлана собирается на стажировку в Японию, Даниил дописывает диплом. Обычные люди, обычные заботы — ничего героического. Они ещё не знают, что этот самый шум — радио, молитвы, скандалы в очередях — не фон. Это древний Экран, который скрывает Землю от имперских сканеров.

Империя не воюет. Она калибрует миры с любовью, даруя идеальное существование. Планеты одна за другой добровольно входят в её состав, а любой диссонанс становится сбоем, который нужно устранить.

За орбитой Плутона древний зонд только что уловил сигнал. Частота — 432 герца: та самая, на которой звучит жизнь. И сквозь галактику к Земле летит тот, кто ждал этого зова. Светлана и Даниил пока не знают, что стали узлами сети, удерживающей реальность.

Но скоро им придётся дать ответ на вопрос, который Империя считает давно решённым. Есть ли в этом идеальном мире место для настоящих, живых людей?

Содержание

Пролог.	5
Часть I	7
Глава 1. Первый импульс	8
Глава 2. Код без автора	20
Глава 3. Встреча	28
Глава 4. В центре проблемы	33
Глава 5. Наблюдатель	41
Глава 6. Тишина в Минамибосо	48
Глава 7. Отпечаток	57
Глава 8. Координаты приняты	65
Глава 9. Потеря эталона	71
Глава 10. Это долгая история	77
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Оксана Ушакова

Вселенная Резонанс.

Пробуждение. Книга 1

Пролог.

— Древо свидетель!

— Древо свидетель!

Слова были тихими, но гул толпы подхватил их, как ветер — лепестки с цветущих ветвей. Гости повторяли нараспев, и ритм голосов совпадал с пульсом Древа, которое возвышалось над поляной, уходя кроной в глубокую синеву.

Акх не слышал толпы, он видел Ию. Видел, как ожившие лозы Древа скользят по её запястьям — бережно, почти неосяземо. Каждое прикосновение ветви рождало внутри тёплое эхо, словно кто-то дотрагивался до самой сути. Акх чувствовал: мир на мгновение стал цельным. Таким, каким должен быть всегда. Дыхание Ии, его дыхание, пульс Древа — всё слилось в один ровный, неразрывный аккорд.

Тишина была совершенной. А затем её разорвал диссонанс.

Крик. Свист. Ледяной воздух рассёк невидимую струну, и поляна превратилась в хаос. Люди падали, но Акх всё ещё

видел только Ию — и её рука дёрнулась, когда стрела вошла в грудь. Древко было из Древа. Мужчина знал это, по тому, как оно пульсировало, впиваясь в тело, по тому, как стрела впитывала жизнь, словно крадя последний свет этого мира.

— Ия! — Закричал Акх.

Он подхватил девушку, высвободив руку из застывших ветвей, которые ещё пару мгновений назад дарили покой. Её кожа на глазах теряла цвет, прохладный ветер доносил запах гари. Он прижимал её к себе, но не мог согреть.

— Акх... — губы девушки шевельнулись и больше ничего, только тихое, словно выдох: — Я верю...

Тело Ии обмякло. Тяжесть этого груза была страшнее любой боли. Вой, рвущийся из горла Акха, не был плачем, это был разрыв цельной материи, которую они только что соткали вместе. Мир раскололся надвое, и одну из его половин заволокло тьмой, беспроглядной тьмой.

За спиной застонало Древо и занялось алым заревом. В этом свете закончилась их эпоха.

Часть I

За орбитой Плутона, в черноте, куда не добирались сигналы земных спутников, дрейфовал зонд. Он был стар — настолько стар, что помнил времена, когда Древо ещё не треснуло. Тысячелетия он спал, сканируя пустоту в поисках единственной частоты. Сегодня его сенсоры уловили колебание. Слабое, на грани погрешности. Всего на долю секунды — но достаточно, чтобы пробудить древние протоколы. Частота: 432 герца. Источник: третья планета жёлтого карлика, край рукава Ориона. Статус: невидима для имперских сканеров — но не для этого зонда. Он отправил сигнал. Импульс ушёл в Складку, пронзив слои реальности быстрее света. Где-то в Эгельгарде, в закрытом командном центре, на карте вспыхнула точка. Зонд снова заснул. До следующего импульса. До следующей ноты.

Глава 1. Первый импульс

За месяц до основных событий

Москва в начале марта почти не отличалась от Москвы в конце февраля. Ещё вчера валил густой, мокрый снег — за неделю его выпало на три зимы вперёд. Сугробы, почерневшие от выхлопных газов, возвышались вдоль тротуаров грязными, рыхлыми горами. Коммунальная техника не успевала расчищать дворы, оставляя после себя лишь разбитую колею. Сегодня к снегу добавился дождь. Он шёл всю ночь, монотонно и безжалостно размывая белый покров, превращая город в серую, скользкую кашу. Грязь, слякоть, глубокие лужи, отражающие тусклый свет фонарей.

Ия любила зиму за то, что мир на время замедлялся, давая короткую передышку перед гонкой — жаркой, изматывающей порой ЕГЭ. Новогодние праздники давно остались позади, а в пятницу уже Восьмое марта — и вернётся из командировки муж, и дома снова станет по-настоящему хорошо. Ведь хорошо, когда семья собирается вместе, когда вечером можно тихо поболтать ни о чём под шум телевизора и посмотреть какой-нибудь старый, добрый фильм.

Сегодня она вернулась с работы раньше обычного. Записалась на маникюр, и вот уже в четыре часа сидела на кухне, не веря своей удаче. Так рано вырваться из школы, из этого бесконечного потока звонков и проверочных работ, было

просто невозможно.

Тишина квартиры встретила её гулом холодильника и ритмичным стуком капель по металлическому карнизу. Данька ещё в университете, будет не скоро. Можно посидеть и помолчать, ни о чём не думая, просто любуясь новым цветом ногтей на своих руках.

Ароматный чай с чабрецом медленно остывал в толсто-стенной кружке. Дождь рисовал дрожащие линии на запотевшем стекле.

И вдруг она услышала странное звучание.

Это была ровная, низкая нота, похожая на глубокий звук виолончели, и Ия почему-то слышала её не ушами, а всем телом. Вибрация прошла по ключицам, отдалась в солнечном сплетении, даже в камне на груди, который носила на тонкой цепочке в память о бабушке. Женщина инстинктивно прижала ладонь к вырезу блузки. Камень был тёплым.

Скрипнула входная дверь, в прихожей зашуршала мокрая куртка. Вошёл Данька.

— Данек, ты сегодня рано, — Ия обернулась, улыбаясь. — Я уже приготовилась оторваться в полном одиночестве, музыку послушать. Что, отменили пару?

— Привет. — Он не глянул на мать, с трудом стягивая мокрые ботинки. — Да, отменили. Возможно, посадят на карантин: у преподавателя корь или краснуха, точно не известно. Поэтому нас сегодня отправили сдавать анализы. Завтра будет понятно.

— А ты как себя чувствуешь? — Женщина встала, подходя к сыну. — Надеюсь, всё обойдётся, у тебя прививки сделаны по плану. Хочешь, сходим к врачу, перестрахуемся?

— Посмотрим. — Парень достал из рюкзака ноутбук.

Наушники, забытые на шее, издавали громкие звуки. Он поморщился, сдёргнул их и бросил на стол в раздражении.

— У меня проблема: код глюкнул. Правлю, а он через минуту перестраивается обратно, словно кто-то невидимый откатывает мои правки. Не пойму, в чём дело.

На лбу Дани образовалась глубокая вертикальная складка, указывающая на то, что сейчас в его голове происходит бурный мыслительный процесс, который столкнулся со сложной задачей, а правильное решение ещё не найдено, но скоро это будет исправлено.

Экран ноутбука вспыхнул, выстроив перед ним лабиринт из строк — ровных, холодных, обманчиво простых.

— Может, вирус? Или та самая корь? — Ия кивнула на закипающий чайник. — Антивирус обновлял давно? Давай чайку, сынок. Перекуси, а то на голодный желудок мысли не работают.

— Ма, не сейчас. Есть не хочу, честно. — Он провёл рукой по лицу, растирая переносицу, хлопнул крышкой, закрывая ноутбук. — Я и так ничего не успеваю, а тут это...

Парень прошёл в свою комнату, сел за стол, с шумом открыл ноутбук. Мать заглянула через его плечо. На чёрном экране терминала бежали привычные зелёные строки кода.

Но в середине, среди бесконечных циклов и функций, медленно пульсировало изображение золотой спирали.

— Это не моё, мам, — тихо сказал Даня, не отрывая взгляда от монитора. — Я такого не писал.

— А откуда взялось? — Ия обняла сына за плечи, чувствуя, как напряжены его мышцы.

— Вот и хочу понять. Написал научному руководителю. — Он нажал несколько клавиш, пытаясь закрыть окно. Изображение не исчезло. Наоборот, развернулось шире, закрутилось по часовой стрелке, затягивая взгляд.

На секунду Ие почудилось дерево. Огромное, с мощным стволом, уходящим кроной в бесконечность. То самое, что снилось ей много раз. Она вздрогнула, резко отдернула руку и отступила на шаг.

Даниил уже уткнулся в лог ошибок, тихо бормоча про «самовосстанавливающиеся паттерны» и «аномалии компилятора». Ия вышла из комнаты, мягко прикрыв за собой дверь. За окном дождь заливал стекло — весна отвоёвывала свои права основательно, не давая зиме ни единого шанса, обостряя и без того накалённые нервы людей.

Ночью Ие приснился сон.

Поляна, густо залитая жёлтыми цветами. Названия их она не знала. Цветы мерцали, как маленькие солнца, и от них шёл тот самый низкий, утробный гул. Её собственное тело вибрировало в такт этому звуку, кости отзывались лёгкой дрожью. В центре поляны росло Дерево, такое огромное, что

его вершина терялась в золотистой, плотной дымке.

Под деревом стояла женщина в белом. Лица разглядеть было невозможно — его прикрывали длинные волосы, которые ветер трепал без остановки, хлеща по плечам. Женщина медленно подняла руки, собрала волосы в пучок и завязала лентой. Но лица по-прежнему не было видно. Ветер играл тяжёлыми складками её платья, а воздух вокруг дрожал от вибрации той самой ноты виолончели.

«Ты почти готова. Не бойся».

Голос прозвучал не в ушах, а где-то внутри черепа.

«К чему готова?» — хотела спросить Ия, но язык не слушался, горло сжалось спазмом.

Поляна зарябила. Дерево резко потемнело, став почти чёрным. Из-под земли, из самой глубины переплетённых корней, выполз низкий, протяжный стон. Такой тоскливый и вибрирующий, что у Ии заложило уши.

Она проснулась в половине четвёртого. Резко, с колотящимся сердцем. Камень на груди был горячим, обжигающим кожу сквозь тонкую ткань ночной рубашки. За окном — ни огонька, мертвая тишина спального района. Только в разрыве тяжёлых туч висела серебристая точка. Звезда? Спутник? Она не двигалась. Просто смотрела на Ию. Не мигая.

Ия выдохнула, чувствуя, как дрожь в руках постепенно утихает: это был только сон. Она перевернулась на другой бок, закрыла глаза и снова уснула.

Пятница. Вечер

Максим вернулся поздно вечером. Щёлкнул замок, Ия вышла в прихожую. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, с тяжёлой дорожной сумкой в одной руке и большим букетом жёлтых хризантем в другой. От его пальто пахло сыростью и морозом.

— Ну как вы тут без меня? — Мужчина обнял жену крепко, уткнувшись носом в макушку, вдыхая запах её шампуня. — Соскучился, очень, Ийка. С праздником, родная.

Максим вручил ей букет, расстегнул молнию сумки и достал картонную коробку с тортом.

— Что, гуляем? — Максим ещё раз обнял её и крепко поцеловал в губы.

— Мы тоже скучали. — Ия засмеялась, вдыхая терпкий, свежий аромат цветов. — У нас всё стандартно. Данька пишет диплом, и у него что-то не выходит. До среды учебный корпус на карантине — есть шанс, что он наконец разберётся в своей проблеме. У меня куча тетрадок на проверку, да ещё родительское собрание впереди. А в остальном — отлично. Ведь ты вернулся.

Женщина взяла торт и отправилась на кухню, чтобы накрыть стол.

— Отлично! — кивнул муж. — Это уже радует, — он снял куртку, разулся и пошёл за женой. Остановившись в дверях кухни, пригляделся. — Ты бледная, Ия. Плохо спала?

— Да снилась ерунда, ничего страшного, — Ия наливала воду в хрустальную вазу, избегая взгляда мужа.

— Опять? — Максим снял упаковочную плёнку с цветов и выбросил её в мусорное ведро.

Жена не ответила. Раньше она часто рассказывала про свои сны, смеялась над их абсурдностью. Теперь перестала — чтобы не волновать мужа по пустякам, не видеть тревоги в глазах. Ведь Максим очень много работает и практически всегда в командировках, пусть хотя бы дома будет всё спокойно.

За ужином они сидели втроём, обсуждая события последней недели. Тёплый свет люстры над столом освещал родные, уставшие лица, и Ия была счастлива: наконец-то их маленькая семья собралась в полном составе.

Даниил впервые за неделю оторвался от ноутбука и с набитым ртом рассказывал про нейросеть, которая отказывалась обучаться на стандартных выборках и требовала какого-то «живого шума». Максим слушал, кивая и подливая ему сок. Ия водила вилкой по краю своей тарелки, пытаясь наколоть ускользающую креветку.

— Вы слышали про частоту 432 герца? — вдруг спросил Даниил, глядя на родителей.

— Это та, на которой скрипки настраивают? — поинтересовался отец, отламывая кусок хлеба.

— На счёт скрипок не скажу, но раз тебя на инструменты потянуло... — Даня оживился. — Представь, что твой мозг — оркестр. Благодаря этой частоте он может импровизировать на любые темы. А если поднять частоту до 440

герц, мозг становится идеальным исполнителем чужих партитур. Прикольно, правда? Мне кажется, тему нужно развивать. Хорошо бы этот метод к учёбе применили. Бац — и всё легко учится. — Даня засмеялся.

— А другие частоты на что влияют? — поинтересовалась Ия, отставляя вилку.

— Другие... — задумался парень, глядя в свою тарелку, — это жёсткая фазовая привязка. Обеспечивают стабильность и предсказуемость. Дают покой. — Он макнул хлеб в салатный сок.

— Покой — это отлично. Просто магия какая-то, даже успокоительные не нужны. Мечта любого педагога. — Ия улыбнулась, собрала грязные тарелки и убрала их в мойку.

Максим занялся разрезанием торта, Даня расставлял кружки и блюда.

— Это не магия, мам. Это физика сознания, — парень с гордостью посмотрел на родителей.

— Даня, — сказал отец, — давай без мистики за ужином. Но, если научишься пользоваться нужной частотой чтобы мама меня крепче любила и была спокойнее, буду рад всем сердцем. — Максим подмигнул сыну и тепло улыбнулся жене.

Ия разливала чай. Камень под блузкой пульсировал — ровно и размеренно.

— Откуда у тебя интерес к этим частотам? — спросил отец, протягивая руку за сахарницей.

— Да сам не знаю. Просто решил отвлечься от учёбы и наткнулся на одну любопытную статью, — ответил Даниил, слишком быстро.

Максим перевёл взгляд с жены на сына, хмыкнул и размешал сахар в кружке.

— Весь в мать. Молодец! Учёным будешь, — пробормотал с нежностью и потрепал парня по волосам.

— А теперь подарок для нашей мамы. Ия, глаза закрой. Мы с Данькой долго выбирали и решили тебе подарить... — Максим подал знак руками, Даня тут же побежал в свою комнату, возвращаясь с подарочным пакетом.

— Поздравляем! — хором прокричали отец и сын, торжественно вручая пакет.

Ия открыла глаза, заглянула внутрь.

— Мальчики, вот это да! — выдохнула она, доставая сумочку своей мечты. — Спасибо, дорогие мои!

Радости Ии не было предела. Ведь такие подарки дарят не каждый день.

После семейных посиделок Даня отправился в свою комнату, а Максим наводил порядок на кухне. Домыл последнюю тарелку, вытер руки полотенцем и сел напротив жены.

— Ну, рассказывай.

— Что рассказывать? — Ия подняла глаза, делая вид, что изучает этикетку на банке с чаем.

— То, что за ужином не договорила. — Он кивнул на кружку в её ладонях. — Ты чай не допила. И побледнела, ко-

гда Дания про свои четыреста тридцать два герца заговорил.

Ия помолчала. Камень под блузкой медленно, но настойчиво пульсировал, а сумка мечты радовала глаз. Жизнь налаживалась.

— Ну, не знаю даже. Мне опять снилось дерево. То самое. Под ним стояла женщина в белом. Она говорила со мной, Максим. Не словами — скорее чем-то вроде вибрации. Это так странно, до сих пор мурашки бегут. Сказала, что я почти готова.

— К чему? — Максим нахмурился, его взгляд стал цепким и серьёзным.

— Не знаю. Но камень... — Женщина прижала ладонь к груди, поверх ткани. — Он горячий. Постоянно. Попробуй, — сказала Ия, протягивая мужу цепочку.

Максим не верил в мистику, а верил фактам и жене. Ощувив неестественное тепло в своих ладонях, внимательно посмотрел на Ию — в её глазах стоял неподдельный страх.

— Ия, пора обратиться к врачу, у тебя, возможно, жар. Температуру мерил? — произнёс муж уверенно, возвращая цепочку и целуя жену в лоб. — Лоб тёплый. Завтра же запишу тебя.

— Это не болезнь, Максим, просто переутомление, — она попыталась улыбнуться, но губы дрожали. — Скорее бы отпуск. Буду спать первую неделю и есть.

Ия засмеялась и убрала в холодильник остатки торта.

Максим подошёл к жене, накрыл своими тёплыми ладо-

нями её холодные руки. Этот год действительно выдался непростым, но они справятся. Отпуск нужен им обоим.

Поздней ночью Ия вышла на балкон. Прекратившийся к этому времени дождь позволил увидеть чёрный бархат неба, по которому щедро были рассыпаны яркие звёзды. Они мигали и переливались все, кроме одной. Среди них спряталась Серебристая точка. Она висела низко над крышами соседних домов, не мигая.

— О, и ты здесь. Привет, — сказала Ия в пустоту, кутаясь в куртку.

Точка молчала. Камень нагрелся — сильно, почти до боли, обжигая грудь сквозь ткань. Ия сжала его в ладони, зажмурилась от резкого жара. За веками, на долю секунды, проступил чёткий образ: мужчина в белом на фоне звёзд.

Ия открыла глаза. Балкон был пуст. Только ветер шевелил мокрое бельё на соседской сушилке, да где-то далеко, на МКАДе, монотонно гудели ночные машины.

Она вернулась в спальню и легла рядом с мужем. Максим дышал ровно, спокойно, и от этого размеренного дыхания ей становилось легко.

Утром Данька нашёл в коде новую строку. Между двумя циклами, без спроса, без вызова функции, горело ярким шрифтом:

User_Origin: MATERNAL_LINE. Frequency: 432 Hz. Status: Awaiting_Harmonization.

Он долго смотрел на неё, не моргая. Потом медленно за-

крыл ноутбук, встал и пошёл на кухню пить чай.

Глава 2. Код без автора

Иногда Светлане казалось, что она — персонаж чужой, плохо оптимизированной игры. Мысль была глупой, девушка это знала, но мысль возвращалась снова и снова. Особенно по утрам, когда Москва только просыпалась, а будильник на телефоне начинал орать дурным, вибрирующим звуком, разрывая остатки сна.

Она, Светка, целыми днями только тем и занималась, что создавала сценарии для миллионов чужих цифровых жизней. Онлайн-миры, в которых аватары рождались, взрослели, влюблялись, скучали на виртуальных работах, создавали семьи, а затем цифровым образом умирали, чтобы освободить место для новых.

А чем она сама отличалась от этих аватаров? Вдруг и её кто-то прописывает — так же подробно, с теми же багами и равнодушием?

С такими размышлениями заснуть было физически невозможно. Девушка откинула одеяло, и холодный воздух мгновенно обжег голые плечи. Она накинула махровый халат и вышла на кухню. За окном серел двор: мокрый, блестящий асфальт, пустая детская площадка, ряды припаркованных машин под серыми, провисшими чехлами. Светка взяла со стола недопитую с вечера кружку, сделала глоток и поморщилась — кофе был ледяным и горьким.

В голове назойливо крутился вчерашний разговор с Артёмом, её тимлидом. Тот в очередной раз, с горящими, фанатичными глазами, объяснял, что «Плей Нау» — это не просто игра, а среда для тотальной самореализации. Что их аватары — почти живые.

«Почти, — усмехнулась Светка про себя. — Вот именно что почти».

Она-то знала всю изнанку процесса. Любой, даже самый сложный сценарий рано или поздно упирается в жёсткие границы, которые прописал программист. И чем больше она писала этих чужих жизней, тем труднее становилось отличить, где заканчиваются её собственные, настоящие границы, а где начинаются те, что кто-то невидимый прописал для неё.

Девушка поставила кружку и подошла к окну. Двор пустовал. Только ветер гонял по асфальту мятый пластиковый пакет — бесцельно, бесконечно, как дурной цикл *while (true)*, из которого забыли прописать выход.

«Вот так и я», — подумала Светлана. И сама не поняла, чего в этой мысли больше — жалости к себе или трезвого, холодного анализа. Ей всего двадцать пять, но кризис среднего возраста, видимо, решил не ждать своего часа и пришёл пораньше. Она зябко повела плечами и поплелась обратно к кровати, зарываясь с головой под тяжёлое одеяло.

А потом заорал будильник.

Резкий, пронзительный трезвон разорвал тишину комнаты. Светка дёрнулась, накрылась подушкой, плотно прижи-

мая её к ушам. Пять минут. Ещё пять минут тишины.

Но будильник настойчиво, методично продолжал своё дело, вибрируя о деревянную тумбочку.

— Встаю. Встаю! — Она резко села, хмурая, с опухшим от недосыпа лицом, и мстительно ткнула пальцем в экран телефона: — Кофе, двойной. И пироженку.

Будильник смолк, оставив после себя звенящую пустоту.

Через двадцать минут Светка уже запирала дверь квартиры и сбегала по ступенькам подъезда, на ходу вставляя в уши беспроводные наушники. Из них на полной громкости лупило что-то тяжёлое, ритмичное, с басами, заглушающими собственные мысли. Метро поглотило её, протрясло в душном вагоне полчаса и выплюнуло обратно на поверхность, прямо под мокрый снег, перемешанный с холодным, колючим дождём.

— Надо было зонтик взять, — пробормотала девушка, поднимая воротник куртки. Ледяные капли стекали по лицу, с мокрых волос затекали за воротник, вызывая мелкую, противную дрожь. Светлана быстро достала из кармана шапку и натянула на голову.

А у офисного центра творилось нечто необычное. Девушка замедлила шаг, всматриваясь. Вся площадь перед стеклянным зданием кишела народом. Мигалки пожарных машин отражались в глубоких лужах, люди в форме сновали туда-сюда, а толпа зевак гудела и разрасталась. Суeta без видимой, понятной цели.

— Пожар, что ли? — спросила она у первого попавшегося мужчины с дрожащей таксой на поводке.

— Уже часа два как всех эвакуировали, — охотно, даже с некоторым облегчением пояснил тот, кутаясь в капюшон пальто. — Говорят, до вечера не впустят. Ждём.

— Бомба, — веско отрезала деловитая женщина с двумя огромными сумками, явно требуя поддержки и подтверждения своей значимости в этом хаосе.

Светка не успела ответить — кто-то крепко ухватил её за рукав мокрой куртки и потянул в сторону, подальше от жёлтой ленты оцепления.

— Светка! Не опоздала! Почти. — Рыжая стажёрка из их отдела, совсем юная, лет двадцати, сияла так, будто только что выиграла в лотерею, а не стояла под ледяным дождём. — Если бы не это, — она многозначительно кивнула на оцепление, — Василич тебе такой выговор влепил бы, что ты бы до пенсии его отрабатывала. А так считай, всё в срок. Привет. Пошли, наши в кафе. Наталья Ивановна тебя из-за угла увидела и велела поймать, пока ты домой не ушла.

Рыжая тащила Светку прочь от офиса, в ближайший фаст-фуд. Там было тепло, шумно, пахло пережаренным маслом и дешёвым кофе, а все столики были заняты таким же вынужденно бездельничающим офисным людом.

— Кофе будешь? — спросил знакомый голос. Витька, младший разработчик, махал ей рукой со второго яруса.

— Латте, — бросила Светка, стягивая мокрую шапку. —

Вить, без сахара. И ролл с курицей.

Она поднялась на второй этаж, где гудел весь их отдел. Молодёжь, открытые ноутбуки, пластиковые стаканы. И посреди всего хаоса, как дирижёр, стоял Василич. Грузный, высокий, одетый под подростка: растянутая футболка с логотипом стартапа, бейсболка козырьком набок, кроссовки с неестественно яркими шнурками. Со стороны смотрелось диковато, почти карикатурно, но никого в офисе это давно не смущало. Василич был начальником, душой этого места и, пожалуй, главной причиной, по которой их компания вообще состоялась. Два года назад они запустили «Плей Нау» — ту самую виртуальную реальность, которая позволяла за десять минут прожить целую вечность. И уже как год компания являлась частью огромного холдинга. Всё благодаря деловой хватке Василича.

— Мы пионеры, — назидательно говорил Василич, меряя шагами пяточек между столиками и по-свойски подмигивая молодёжи. — Революционеры. За нами будущее.

— За нами будущее! — проорали сотрудники «Плей Нау», подхватывая мантру дня. Светка тоже открыла рот, машинально повторяя слова, поддаваясь всеобщей, искусственной эйфории.

— А потому, — продолжил Василич, заметив её и резко меняя траекторию, — работаем много и ответственно. А-а-а, Светка Соколова! Как там в песне поётся? Тебе сегодня вручается особый пряник: к нам прибыл внешний тестиров-

щик. Надеюсь, все проблемы до вечера решите.

— Я-то откуда знаю? — Светка взяла у Витьки горячий стакан, обжигая пальцы. — В офис не попасть, сервера, наверное, тоже на паузе.

— Светлана Сергеевна, ваша прямая обязанность — знать, — парировал Василич, и в его голосе проскользнули стальные нотки, напоминающие, кто здесь главный. — Тестировщик у нас на сутки, и, говорят, берёт почасово, в евро. Так что расстарайтесь, пожалуйста.

Она кивнула, уселась рядом с Витькой, открыла ноутбук. Экран замерцал, на долю секунды отразив её собственное усталое, бледное лицо. Кофе остыл ещё до первого глотка. Строки кода побежали привычно: бэкенд, оптимизация запросов, проверка логики.

Но сегодня что-то было не так. Структура плыла.

Светка моргнула, протирая глаза. Строки кода, обычно выстроенные в строгую, логичную лесенку, начали расплываться. Конструкции *IF/ELSE* изгибались, словно лианы, а древовидный каталог функций медленно, но верно менял геометрию. Его ветви тянулись к курсору, как живые, ищущие света побеги.

Светка замерла, пальцы зависли над клавиатурой. Потянулась было к *Ctrl+Z*, чтобы отменить последнее действие, но экран уже мигнул, возвращая прежний, строгий порядок.

Её удивлению не было предела. Девушка потёрла глаза и снова посмотрела на экран.

«Кто искал... и Та, которая искала...»

Незнакомый голос завибрировал внутри головы так ясно и объёмно, что она вздрогнула и резко обернулась. Вокруг стучали клавиатуры, кто-то смеялся, Витька что-то жевал, и никто, абсолютно никто не смотрел в её сторону.

— Переутомилась, — прошептала сама себе, делая глоток остывшего кофе. — Дедлайн. Нервы нужно беречь.

Светлана повторно посмотрела в монитор, стараясь дышать ровно. И в чёрном, глянцевом зеркале экрана, поверх её собственного искажённого отражения, на долю секунды проступило гигантское дерево. Корни которого, казалось, прорастали сквозь пиксели, пронзая цифровую пустоту. А затем — глаза. Полные нечеловеческой, древней боли, смотрящие прямо на неё из глубины монитора.

Вспышка. Алое на белом.

Светка резко отшатнулась, стул с противным визгом отъехал назад. Руки дрожали — пришлось вцепиться в край пластикового стола, чтобы унять предательский тремор. Сердце колотилось где-то в горле, отдаваясь глухими ударами в висках.

— Ты в порядке? — над ней склонился Артём, тимлид, всем своим видом выражая искреннюю озабоченность. Витька снял наушники и тоже смотрел на девушку, забыв про еду.

— Да, — выдохнула Светлана. — Код тупит. Или я. Глаза устали.

В этот момент на столе у Василича зазвонил телефон. Резкая, требовательная мелодия указывала на срочность. Он коротко, отрывисто поговорил, бросив пару невнятных фраз, и повернулся к девушке.

— Соколова, вас ждут. Завтрак заканчивайте, и через десять минут на выход. Тестировщик уже в офисе, его пропустили через пожарный ход.

— В офисе? — переспросила Светка, всё ещё чувствуя, как под рёбрами холодеет от недавнего видения. — Но там же оцепление...

— В офисе, — отрезал Василич. — Давай, давай. А вы, молодёжь, — мужчина обвёл оценивающим взглядом остальных, — работать. Жду отчёты по багам до обеда.

Глава 3. Встреча

Десять минут бега под ледяным ливнем превратили куртку в тяжёлую, мокрую оболочку, неприятно прилипшую к спине. Дождь припустил с новой силой, размывая очертания зданий и превращая улицы в мутные реки. Толпа зевак заметно поредела, зато плотнее стали ряды спецтехники: мигалки пожарных машин, полицейские фургоны и кареты скорой помощи тревожно отражались в глубоких лужах.

Войти внутрь обычному человеку сейчас было невыносимо. Светлана замерла метрах в пяти от главного стеклянного входа. Проход стерегли люди в спецформе. Сквозь сплошную пелену дождя эмблемы не разглядеть — то ли МЧС, то ли полиция, то ли вообще структуры, названия которых не афишируются. Да и какая разница. Главное, что они не выглядели как люди, с которыми можно договориться.

В беспроводных наушниках резко ударила короткая, пронзительная трель, заставив девушку вздрогнуть.

Светлана нажала на гарнитуру, плотнее кутаясь в высокий ворот куртки, чтобы вода не заливалась за шиворот.

— Слушаю, — крикнула девушка, пытаясь перекрыть шум ливня и гул сирен. — Говорите громче, очень плохо слышно! Кто это?

Связь на секунду оборвалась сухим, резким треском помех, а затем возникла снова, с более чётким, ровным голо-

сом на том конце.

— Да, Соколова. Светлана Сергеевна. Потому и кричу, что не могу пройти — здание оцеплено.

Она попыталась расслышать каждое слово, доносившееся из наушника. Отключив *Bluetooth*-соединение, Светлана решительно шагнула вперёд, поднырнула под жёлтую аварийную ленту и направилась прямо к плотному кольцу оцепления. Двое из сотрудников мгновенно преградили ей путь, выставив руки в жесте «стоп».

— Гражданка, проход закрыт. Отойдите, — голос под шлемом звучал глухо и безапелляционно.

— Ребята, с вами хотят поговорить, — сказала девушка, протягивая намокший телефон ближайшему из них.

Тот нахмурился, но принял аппарат, приложив его к защищённому шлемом уху и прикрыв микрофон ладонью от дождя.

Прошла секунда. Две.

Осанка мужчины мгновенно изменилась. Он вытянулся по струнке, плечи расправились, а свободная рука опустилась по шву.

— Так точно. На месте. Будет исполнено, — отчеканил он.

Мужчина вернул телефон Светлане. На этот раз окинув её куда более пристальным взглядом, словно по-настоящему разглядел не мокрую, замёрзшую девушку, а некий ценный груз.

— Камозин! Бегом сюда! — гаркнул он, не сводя с девуш-

ки глаз.

Со стороны мокрого ресепшена затопал невысокий мужчина в гражданском, на ходу размахивая чёрным противогазом в пластиковом чехле, это был его главный аргумент в споре с погодой.

— Олег, дамочку нужно сопроводить на третий этаж. Там ждут. Полковник велел без происшествий. Она теперь на твоём попечении.

Камозин молча взял Светлану под локоть. Хватка была крепкой, но не грубой, и он решительно повёл девушку в вестибюль здания. Не отпуская её руки, направился к лестничной клетке. Лифты не работали. Пришлось подниматься по пожарной лестнице, с которой щедро, непрерывным потоком лилась вода. Сработала пожарная сигнализация, и верхние этажи методично заливало, хотя ни дыма, ни запаха гари в воздухе не было — только сырой, затхлый запах мокрого бетона.

— Если не секрет, что здесь стряслось? — спросила Светлана, перешагивая через широкую, мутную лужу на площадке второго этажа.

— Бомба, — хмыкнул Камозин, на ходу отряхивая воду с рукава пиджака. — Доброжелатель позвонил, сказал, что здание заминировано. И даже пожарным отзвонился отдельно, будто без этого никак. Короче, полный бардак. — Он придержал для неё тяжёлую металлическую дверь. — Пришли.

Дверь офиса «Плей Нау» была распахнута настежь. Внутри царил хаос: всё перевернуто, на полу валялись мокрые бумаги. Но серверные стойки и дорогое оборудование кто-то предусмотрительно и аккуратно укрыл плотными пластиковыми чехлами, закрепив их скотчем.

Светлана постояла секунду на пороге, оглядывая разгром, и решительно двинулась к своему кабинету в конце коридора. Камозин двинулся следом, прикрываясь полый мокрого пиджака, хотя толку от подобного действия в текущих обстоятельствах было мало.

В её личном кабинете оказалось на удивление сухо. Окно было плотно закрыто. А в рабочем кресле сидел незнакомый мужчина. Его пальцы с невероятной скоростью летали по клавиатуре, издавая ровный, дробный стук, напоминающий автоматную очередь.

— Добрый день, — Светлана остановилась на пороге, вытирая капли воды с лица. — Соколова. Вас вызывала я.

— Ага. Проходите, — мужчина даже не обернулся, только коротко кивнул в тёмный угол комнаты. — Стул там.

— Спасибо, знаю. Сама ставила, — ответила Светлана, чувствуя, как внутри закипает раздражение, смешанное с необъяснимой тревогой.

Девушка подкатила свободное кресло к компьютерному столу и села рядом, стараясь не задеть незнакомца локтем. Тестирующий продолжал набирать код с умопомрачительной скоростью, не глядя в её сторону, полностью поглощённый

экраном.

Камозин затравленно оглядел небольшой кабинет. Лишнего стула не было. Полицейский тяжело, с натугой вздохнул: в конце концов, он вообще-то был в законном отпуске, и этот вызов отнял у него уже четыре часа личного времени.

— Любезный, — не оборачиваясь, бросил тестировщик ровным голосом, лишённым каких-либо эмоций. — Вы свободны. Начальству я сообщу.

И помахав в воздухе своим телефоном, без лишних слов произнёс в трубку:

— Да, спасибо за помощь, ваших людей отпускаю. Да, на мне.

Экран телефона погас.

— Счастливо, — добавил мужчина, всё так же не отрывая взгляда от монитора.

Мокрый Камозин вылетел в коридор, как подхваченный сквозняком лист. Отпуск, море, солнце — и никаких сумасшедших на третьем этаже промокшего, залитого водой здания.

Дверь за полицейским с тихим щелчком закрылась, отрезая их от внешнего мира. В кабинете повисла напряжённая тишина, нарушаемая стремительным стуком клавиш. Осталась только Светлана и незнакомец, который продолжал свою работу, словно она была лишь невидимым фоном для его задачи.

Глава 4. В центре проблемы

— Ну и в чём проблема, любезнейший? Узнали? — спросила Светка, скрестив руки на груди.

Мужчина не ответил. Даже не обернулся. Стук клавиш не замедлился ни на секунду, отдаваясь в тишине кабинета ровной, механической дробью.

Она рассматривала его со смесью профессионального любопытства и нарастающего раздражения. Ничего особенного. Тощий, с впалыми щеками и тонким, хищным профилем. Волосы аккуратно уложены. Серый плащ висел на спинке кресла, а между ног, как продолжение руки, был зажат сложенный зонт-трость. Тоже серый. Будто этот человек состоял исключительно из оттенков пыли и асфальта.

— Узнал, — наконец отозвался мужчина, по-прежнему не отрывая взгляда от монитора. — Макото Нагаи. А вы — Скворцова Светлана Сергеевна.

Это не было вопросом. Это была констатация факта.

— Вашу проблему я устранил. Но она лишь следствие более глубокой брешы. Возникла недавно. Конкуренты? — Он впервые улыбнулся. Коротко, одним уголком губ, и подмигнул, не меняя выражения холодных чёрных глаз.

— Вы японец? — вырвалось у Светки. Теперь, приглядевшись, девушка это видела: разрез глаз, сдержанная пластика движений.

— Из Японии. Приехал специально к вам. — Он слегка поклонился, не вставая с кресла. — Очень приятно.

— Простите, а что за брешь?

— Об этом расскажете вы.

Макото развернулся к ней вместе с креслом и посмотрел в упор. Взгляд был оценивающим, сканирующим лицо в поисках малейшей лжи.

Светлана помедлила, чувствуя, как внутри сжимается холодный комок.

— У нас были сбои. Баг, выкидывавший игрока при входе в библиотеки. Мелочь, но раздражающая. Наши ребята подчищали код регулярно. Мы даже закрыли библиотеки на время, просто на всякий случай, чтобы не портить метрики.

— У вас работает Крэк. И не только у вас, — тихо произнёс Макото. — Все библиотеки стали глючными. Это повлияет на будущие проекты. Только полный, бесперебойный доступ к информации даёт проекту ценность. Без неё это станет обычной игрушкой, которую скоро начнут клонировать все подряд.

Он достал из внутреннего кармана пиджака маленький, плоский чехол и вынул прозрачную пластиковую коробочку. В ней лежали контактные линзы. На вид — самые обычные, но в свете монитора отдавали едва заметным перламутровым блеском.

— Будьте любезны, активируйте ваш визор. Прогуляемся к центру проблемы.

Макото вставил линзу в правый глаз. Светлана, поколебавшись, достала свою из кейса. Прохладный, скользкий полимер коснулся глазного яблока. Девушка моргнула.

Мир на долю секунды распался на миллионы мерцающих пикселей, а затем собрался заново. Исчез мокрый офис, исчез вой сирен и запах сырости. Под ногами оказался гладкий, тёплый персиковый мрамор. Они стояли в огромном, уходящем ввысь зале — ворота входа в игру.

— Приступим, — произнёс Макото и взмахом руки развернул на мраморной стене интерактивную карту. — В нашем секторе четыре библиотеки, восемь книжных магазинов. Пропуск с вами? Отлично.

Они по очереди приложили виртуальные пропуска к мерцающему экрану и задали маршрут. На карте загорелся зелёный огонёк. Светлана прижала палец к метке — пространство перед ними расширилось, и шагнув в портал, мгновенно оказались перед зданием, уходящим шпилями в цифровые облака. Библиотека.

Светлана замерла перед массивными дверями. Здание вибрировало. От этой низкой, едва уловимой вибрации в груди разливалось странное, обманчивое тепло. Она запрокинула голову: где-то там, за пределами видимого, мерцали огоньки — маячки данных, рассыпанные по информационному полю, как узлы в гигантской нейронной сети.

— Сколько их? — выдохнула девушка и шагнула внутрь. Макото не обернулся.

— Миллиарды. Поторопитесь. Стирание начнётся с минуты на минуту. — В его голосе впервые проскользнула тень нервозности. Макото быстро набирал команды на парящем перед ним визуале.

— Нижний уровень, семнадцать-А. Что вы туда поместили?

— Так сразу и не вспомню. Все источники располагаются в алфавитном порядке, начиная со второго уровня. Последняя инвентаризация отсортировала их по мере пользовательских запросов.

— А что внизу? Какие документы ушли в архив за последний месяц?

— Не знаю. Программа делает всё автоматически, я не вмешиваюсь.

Макото протянул ей ручной визуал. На экране всплыли четыре записи. Видео. На всех — она сама. Расставляет книги на полках. Вчера. На прошлой неделе. Ещё раньше.

— Это... розыгрыш? — Светка почувствовала, как к щекам приливает жар. — Я не делала ничего подобного.

— Успокойтесь. Времени мало. Значит, не помните? Бывает.

Зонт в его левой руке с резким, хлёстким звуком ударил в мраморный пол. Перед ними открылся зелёный, мерцающий проход — эдакий скоростной лифт. Макото шагнул в архив нижнего этажа, провёл пару быстрых манипуляций с визуалом. В зале погас свет, и на бесконечных стеллажах просту-

пили голубоватые, прозрачные силуэты книг.

Зонт снова стукнул о пол. Светящиеся издания дёрнулись, оторвались от полок и подлетели к мужчине, окружая облаком данных.

Новый проход — книжный магазин, ещё не открытый для игроков. Ещё удар зонта — и школьная библиотека.

Здесь зонт ударил в пол — и ничего. Книги стояли без изменений. Ни свечения, ни отклика. Словно отрезанные от сети.

— Что вы принесли сюда? Подумайте, Светлана Сергеевна, — его голос прозвучал прямо у неё за спиной.

Макото показал девушке запись. Светка на видео, с каменным лицом, аккуратно ставила на полку несколько книг.

— Вчера у меня был выходной. Я здесь вообще ни разу не была, — процедила она сквозь зубы, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Возможно. А возможно, и нет. Мне не нужны оправдания. Просто вспомните. Закройте глаза. Подумайте. Что сюда можно принести?

— Да что угодно! Хоть любую повреждённую книжку. Дети неаккуратные, могли занести вирус на физическом носителе при сканировании.

Светлана открыла глаза и заметила на дальней полке книгу, которой раньше не видела. Корешок без названия, потрёпанный, странный. Такую книгу можно встретить в обычной, реальной библиотеке, но точно не здесь, в цифровом архиве.

Поэтому, подойдя к стеллажу, она выдернула именно этот экземпляр.

— Вот, пожалуйста. На восстановление. Считайте, что именно её я и принесла.

Девушка театрально вложила книгу в руки Макото и замерла. На долю секунды ей померещилось: обложка странной книги стала горячей — такого не могло быть! Цифровые объекты в библиотеках не имеют возможности изменять температурный режим. А страницы пахли! Запах увядающих цветов заполнил всё пространство вокруг.

— Спасибо за сотрудничество, — Макото резко оборвал ступор Светланы и начертил в воздухе проход, перенёсший их в зал из персикового мрамора. — Мы всё нашли.

Выходя из игры тестировщик аккуратно убрал книгу в карман пиджака.

Светлана последовала за ним, стянула моностекло с глаза, и реальность обрушилась с новой силой: мокрый офис, шум дождя за окном, гудение серверов. Девушка чувствовала себя совершенно разбитой, с сухим, пересохшим горлом, хотя кругом была вода.

— Я теперь уволена? — спросила она, потирая переносицу.

— А вы собираетесь увольняться? Не знаю. Вам решать. — Макото похлопал себя по карману, где лежала книга. — Все сбои были саботажем ради поиска этого файла. Вы даже не представляете, что поместили сюда.

Мужчина сел за стол, подключил свой ноутбук к рабочему компьютеру Светланы. Следующие полчаса девушка просто сидела рядом и смотрела, как по экрану бегут строки кода, переписывая сами себя. Наконец тестировщик поднялся.

— Готово. Надеюсь, им станет понятно, что искать больше нечего. Для вашего проекта одной проблемой меньше. Отчёт отправлен. Вы командированы на неопределённый срок для повышения квалификации, под моим руководством. Ваш босс в курсе. Я заеду. До встречи.

Макото поклонился, взял зонт и вышел, не оглядываясь. Дверь закрылась с тихим щелчком.

Светка молча открыла рот и смотрела в пустоту, пока её не вывел из ступора звонок телефона.

— Соколова, звезда наша! — орал Василич, перекрикивая шум на своём конце. — Не знаю, что ты там с ним делала, но тебе дали такую рекомендацию! Главный офис ждёт Светлану Сергеевну, слышишь? Инструкции на почте, командировочные оформят. Удачи! Салют!

Девушка положила телефон и посмотрела на часы. Пора домой.

У метро вечерний воздух был холодным и влажным. Светлана заметила шаги за спиной. обернулась — никого, только размытые силуэты прохожих под зонтами. Она ускорила шаг.

Шаги не отставали. Ритмичный, размеренный стук каблучков по мокрому асфальту, повторяющий её собственный.

У самого входа в подземку девушка резко остановилась и обернулась снова. Человек в пальто, метрах в двадцати, спокойно свернул в тёмный переулок. Светка выдохнула, чувствуя, как учащённо бьётся сердце.

Но в вагоне, когда тяжёлые двери метро уже начали закрываться, девушка увидела его опять. Он стоял на платформе, неподвижный, как статуя, и смотрел прямо на неё сквозь грязное стекло.

Глава 5. Наблюдатель

Светлана вошла в квартиру, и тяжелая дверь за её спиной захлопнулась с глухим щелчком. Бросила ключи на деревянную тумбу в прихожей. Металл звякнул слишком громко, резко разорвав тишину квартиры. Девушка разулась, оставляя на дорогом ворсистом коврике грязные, тающие лужицы воды. Половина шестого. Завтра она будет в Японии. Все сотрудники «Плей Нау» ей завидовали, осыпали шутками о суши и сакуре, а ей было по-настоящему страшно.

Надо позвонить родителям. Сейчас или никогда. Потом будет поздно, потом начнется суeta аэропортов, перелет, чужой язык.

Девушка разблокировала телефон, пальцы дрожали, и набрала выученный с детства номер. Гудки казались бесконечными, каждый из них отмерял секунды её вины.

— Мам, привет... — голос предательски дрогнул, сорвавшись на хрипотцу, но она быстро взяла себя в руки, сглотнув ком в горле. — Я тебя люблю. У меня всё хорошо, спасибо. Соскучилась. Нет, приехать не получится, поэтому и звоню. Пап, привет... И тебя люблю. Прости, не получится. Меня отправляют на стажировку. В Японию.

— В Японию? — в трубке удивился отец, и на фоне послышался знакомый скрип его старого кожаного кресла, мгновенно перенесший Светлану в Тулу. — А как же ваш мос-

ковский офис? Ты же говорила, что проект на финальной стадии.

— Пап, ты же знаешь, в прошлом году Василич продал контрольный пакет крупному международному холдингу, — тараторила девушка, стараясь говорить бодро, но слова вылетали сбивчиво. — Головной офис теперь в Токио. Вот они и прислали своего «тестировщика», а меня, как ключевого разработчика ядра, вызывают на ознакомительную стажировку. Не знаю, надолго ли. Буду звонить, обязательно. Из аэропорта тоже. Да, поем, обещаю. Целую вас. Очень люблю.

В трубке повисло короткое, тяжелое, звенящее молчание. Мать что-то хотела сказать — Светка слышала её дыхание, чуть сбитое, прерывистое, как всегда, когда та судорожно подбирала слова, чтобы не расплакаться и не вызвать у дочери чувство вины. Но не сказала. Только тихо, с надрывом вздохнула.

— Ну, давай, дочка, — голос отца подрагивал от сдерживаемого волнения, он прочистил горло. — Ты там... это... береги себя. И звони чаще, не забывай. Мы будем ждать.

— Позвоню, пап. Обязательно.

— Я люблю тебя, Светка.

— И я вас.

Она нажала отбой. Экран телефона погас, и на кухне стало очень тихо, только холодильник монотонно гудел, продолжая свою работу. За окном висела всё та же мелкая, нудная морось, и в запотевшем стекле дрожала одинокая, мут-

но-жёлтая точка — фонарь у подъезда.

«Позвоню, пап. Обязательно», — навязчивой пластинкой крутилось в голове, и перед глазами встал отчетливый образ родителей, которые так её ждали. Завтра среда. День рождения отца. Родители ещё вчера уехали на дачу под Тулу, ждали её в пятницу. Там соберутся все родственники, накроют столы. Шашлыки, салаты, пироги, а любимая дочка будет через полмира от них, в чужой стране.

Светка вытерла предательскую слезу, размазав черную тушь по щеке грязным разводом, и налила себе чай. Чемодан стоял на балконе. Она достала его, расстегнула молнию и принялась механически складывать вещи. Новые блузки, пара юбок, джинсы, свитер, всякие мелочи, косметичка. Остальное решила купить на месте, при необходимости. Чай остыл окончательно, покрывшись тонкой, радужной плёнкой. Телефон разрядился и погас. Светка поставила его на зарядку и просто легла на диван, не раздеваясь, в мокрой одежде, уставившись в темный потолок.

За окном замерцал фонарь. Свет мигнул, погас и снова загорелся, мигнул ещё раз. Она села, прислушиваясь. В комнате было пусто, только косая, ломаная тень от оконной рамы рассекала противоположную стену. Но что-то было не так. Тень застыла, став неестественно длинной, плотной и черной, словно впитывающая в себя свет. Девушка почувствовала, что кто-то стоял прямо за её плечом, в двух шагах, и терпеливо, беззвучно ждал.

Светка резко обернулась — никого. Затем очень медленно, на носочках подошла к окну. Девушка выглянула на улицу, прижавшись лбом к холодному стеклу. Напротив, через дорогу, у замершего на красном светофоре черного автомобиля стоял мужчина в тёмном, длинном, старомодном пальто. Он не смотрел на окна соседних домов. Он не прятался от дождя. Он смотрел прямо на неё. Даже через расстояние и пелену ливня его глаза казались неестественно светлыми, с холодным, золотистым, хищным отливом. Он не моргал. Просто стоял.

«Это не человек», — прошептала Светка, и ужас сжал горло невидимой рукой, перекрывая дыхание.

За спиной что-то едва слышно скрипнуло. Девушка обернулась, затаив дыхание, готовая закричать. Никого. Только тень на стене, казалось, стала ещё чернее. Светка выключила свет, села в глубокое, продавленное кресло в самом темном углу комнаты и, вцепившись в подлокотники, просидела так, не смыкая глаз и прислушиваясь к каждому шороху, почти до самого утра.

Когда рассвело и серое, безрадостное утро просочилось в щели штор, мужчина в пальто исчез. Но чувство, что за ней наблюдают, осталось.

Неожиданный звонок телефона выдернул её из оцепенения. Тело заныло, шея затекла, ломило поясницу, а глаза слипались.

— Светлана Сергеевна, такси внизу. Спускайтесь, — го-

лос Макото был ровным, гладким, лишенным всякого сочувствия или человеческой теплоты.

Она почему-то не удивилась. Ни его звонку, ни тому, что странный японец знает, когда она проснется.

— Да. Буду через десять минут.

Светка встала и еле шевеля ногами доплелась до кухни. Допила холодный чай и ополоснула кружку. В ванной быстро умылась ледяной водой, пытаюсь смыть с лица отёки и остатки размазанной туши. Причесалась наспех, завязав волосы в тугой хвост. Чемодан, сумочка, документы.

Уже в дверях, перекрестившись на удачу, девушка позволила соседке.

— Светочка, доброе утро, милая! — Маргарита Владиславовна выплыла на площадку в облаке розового махрового халата, с бигуди под цветастой косынкой и широкой, искренней улыбкой. От неё пахло духами «Красная Москва» и свежей, теплой выпечкой. — Что-то случилось? Ты какая-то бледная.

— Маргарита Владиславовна, возьмите, пожалуйста, ключи, — Светка протянула ей связку. Руки всё ещё слегка, предательски дрожали. — Родители уехали, я тоже уезжаю, а цветы на балконе без вас погибнут.

Соседка взяла ключи — дело привычное за десять лет соседства — и заулыбалась ещё радушнее, по-матерински:

— Счастливого пути, детка. Родителям привет. Сергея Сергеевича от меня крепко поцелуй, передай сердечные по-

здравления с днём рождения! Не забудь!

Она вызвала лифт. За окном подъезда дождь усилился, и снег вдруг повалил огромными, мокрыми, тяжелыми хлопьями, мгновенно превращаясь в грязную, липкую кашу под ногами. Светлана пробежала до такси напрямик, чертыхаясь вполголоса от ледяных брызг, и плюхнулась на заднее сиденье. Никаких людей в сером пальто или светлых глаз девушка не заметила — возможно, потому что изо всех сил старалась не смотреть по сторонам.

Макото в аэропорту не было. Светка уже знала, что полетит одна. Таксист молча, без лишних слов, вручил ей тяжёлый, плотный пакет с документами и билетом. Долгий перелёт — будет время изучить, будет время подумать.

В самолете, когда шасси оторвались от земли, она закрыла глаза, пытаясь уснуть, вырваться из реальности. Но за секунды мгновенно, ярко вспыхнуло алое, пульсирующее зарево. Девушка вздрогнула, открыла глаза и уставилась в маленький иллюминатор. За ним протянулось бесконечное и спокойное, безоблачное синее небо. Всё-таки перелёты, высота и замкнутые пространства — не её стихия. Или дело было не в высоте?

Япония встречала гостей влажным и непривычно сладким воздухом. Над Наритой висело огромное, медное, тяжелое солнце. До Токио — час на скоростном поезде, но не сегодня. Сегодня её путь лежал к южному побережью Тиба, в маленький городок Минамибосо. Сейчас весна и там разгар

цветения рапса. Если повезет, она увидит тот самый живой, ярко-жёлтый ковёр, которым так гордятся местные жители.

Никаких заминок или лишних вопросов на паспортном контроле не возникло. Через час Светлана уже сидела в комфортном, бесшумном автомобиле, летящем по узким, извилистым дорогам к новому месту дислокации. Наскоро изучила путеводитель, но почти ничего не запомнила: буквы расплывались перед глазами, сливаясь в серые пятна. Воздух за окном был всё тем же — сладким. От него начинала кружиться голова.

Три часа спустя машина свернула с главной трассы и остановилась у крошечного, игрушечного домика, утопающего в буйной, неестественно яркой весенней зелени. Водитель услужливо подкатил чемодан к деревянной веранде, коротко поклонился и удалился, оставив её одну.

Глава 6. Тишина в Минамибосо

Тяжёлая деревянная дверь захлопнулась за спиной с финальным щелчком, отрезая будущую стажёрку от внешнего мира. Шум мотора такси стих, растворившись в тишине. Светлана осталась одна.

— Привет, — выдохнула девушка в пустоту.

Голос отразился от голых, белёных стен и тут же затух, не найдя за что зацепиться. Внутри было абсолютно пусто. Ни стола, ни стульев, ни даже намёка на домашний уют. Только тёмные, натёртые до блеска доски пола и стены без единой картины или полки. Посередине комнаты, словно мишень, на полу лежал плотный бумажный пакет с лаконичным логотипом холдинга.

Светлана подошла, присела на корточки и заглянула внутрь. Ключи с пластиковым брелоком, пульт от кондиционера, тонкая папка с документами. Ни визитки, ни номера телефона Макото. Лишь напечатанная на принтере записка: «Разместиться. Ожидать указаний. Не покидать периметр до особого распоряжения».

С раздражением брошенный на пол пакет шуркнул, и неестественно громкий звук разнёсся эхом по дому.

В кармане коротко завибрировал телефон. Достав аппарат, Светлана глянула на экран: значок сети есть, но вызов перечёркнут красным. Мессенджер крутил бесконечный ин-

дикатор загрузки, зависая снова и снова. Настройки в порядке, тариф оплачен, сеть ловит, только дом не выпускал сигнал наружу, будто помещение превратилось в герметично запаянную банку Фарадея. Она потрясла телефон, включила и выключила авиарежим, перезагрузила устройство — глухо. Экран безразлично светился в её руке.

Голова внезапно закружилась, в висках застучала тупая пульсация. Светлана распахнула единственное окно. Свежесть ударила в лицо, но не принесла облегчения, лишь усилила контраст между душной комнатой и внешним миром. За окном стремительно темнело. Небо над низкими крышами наливалось густым, бархатным индиго. Воздух стал тяжёлым, пахло цветущим рапсом и влажной, прогретой за день землёй. Красиво. И пугающе одиноко.

Девушка достала ноутбук из чемодана, воткнула шнур в розетку. Экран загорелся, но значок Wi-Fi по-прежнему оставался перечёркнутым. Даже список доступных сетей не появлялся. Проверка кабеля и перезагрузка роутера выдали нулевой результат. В доступе остались лишь локальные файлы. В папке «Архив» лежал единственный скан старой книги: без обложки, с выцветшими, пожелтевшими от времени страницами. Текст представлял собой причудливую смесь древнего японского и латыни, однако поля и межстрочья испещряли геометрические символы, пугающе напоминающие схемы нейросетей. Макото говорил о «бреши», о саботаже. Здесь, в звенящей тишине, всё это казалось далёким, чужим

бредом.

Только закрыв ноутбук, поняла, насколько устала. Спальный мешок на полу, свёрнутая куртка вместо подушки — другого варианта не оставалось.

«Завтра разберусь», — мелькнуло в голове. Девушка широко и сладко зевнула, устраиваясь поудобнее.

Но уснуть не получалось. Светка лежала с открытыми глазами, всматриваясь в черноту потолка. Потом не выдержала, встала, накинула куртку прямо на пижаму и вышла на улицу. Ночь была тёплой, почти душной, с высокой влажностью. Сверчки пели ровно и чисто, создавая плотный, монотонный фон. Звёзды здесь казались неестественно яркими, крупными, будто висели гораздо ближе, чем в Москве. Или это просто глаза уставали фокусироваться.

— Мамочка, папа, — прошептала в темноту, и голос предательски дрогнул. — Вы там спите, наверное. А я тут... совсем одна. Как же тяжело быть взрослой. Хочу снова стать маленькой и просто прыгнуть к вам в кровать.

Она вспомнила, как отец учил её паять. Ей двенадцать, они собрали простой радиоконструктор и часами искали неисправность. «Смотри, Светка, — говорил отец, направляя её руку с паяльником, — плата — обычная карта города. Если знать все дорожки и перекрёстки, никогда не заблудишься».

Мама в то время пекла штрудель, и запах тёплой корицы и яблок странным образом смешивался с резким запахом

канифоли. Затем они вместе ели пирог, обжигаясь, и хором хвалили маму.

— Дурацкий день, — прошептала девушка, смахивая непрошеную слезу с ресниц. — Дурацкая командировка.

Горько вздохнув, Светлана вернулась в дом. Забравшись в спальник, стала считать овец. И уже проваливаясь в сон, почувствовала резкое давление в ушах — точно такое же, как при взлёте самолёта или в быстро опускающемся лифте. В осязаемой тишине комнаты померещился гул — низкий, вибрирующий, напоминающий гудение высоковольтных проводов на сильном ветру.

Затаив дыхание, прислушалась. Ничего. Только стук собственного сердца, отдающийся в барабанных перепонках. Видимо, показалось.

Утром девушку разбудил резкий, вежливый стук в дверь. Она с трудом выбралась из спальника, потирая затёкшую шею, и поплелась к выходу. На пороге стояла японка лет сорока, с безупречной укладкой и доброжелательной, дежурной улыбкой. В руках держала два аккуратных бумажных пакета, от которых шёл тёплый, пряный запах риса и маринованной рыбы и, конечно, кофе.

— Макото-сан приветствует вас в префектуре, — широко улыбаясь, произнесла незнакомка на ломаном, но понятном английском, слегка кланяясь. — Приглашает посетить корпоративный выезд. На сборы — ровно шестьдесят минут. Хорошего дня.

Японка снова улыбнулась, махнула рукой в сторону белого микроавтобуса, припаркованного у калитки, и быстро побежала к нему, цокая каблуками по гравийной дорожке.

Через час автобус трясло на узких дорогах. В салоне весело болтала яркая молодёжь. Они щебетали на смеси английского и японского, громко смеялись, щёлкали затворами фотоаппаратов и снимали селфи. Спрятавшись у окна на последнем ряду, Светлана чувствовала себя прозрачной деталью в отлаженном механизме чужого веселья.

Автобус резко затормозил и остановился у подножия пологого холма.

— Рапс! — радостно объявила девушка-гид, вручая Свете тёплый флисовый плед и бутылку воды. — Любуйтесь! Это гордость нашей префектуры!

Светлана вышла и замерла. Склон холма залило сплошное, ослепительное жёлтое море. Тысячи гектаров цветущего рапса уходили к самому горизонту, и от этой кричащей желтизны начинало рябить в глазах. Молодёжь с визгом рассыпалась в разные стороны, ныряя в жёлтый океан, поднимая облака пыли.

Девушка отошла подальше от шума, нашла небольшую пустую полянку у края поля, расстелила плед и села, поджав колени. Закрыв глаза, погрузилась в полный покой. Мерное, низкое жужжание пчёл и шмелей расслабляло. Тёплый, насыщенный ветер доносил густой, сладковатый запах цветов. Впервые за последние двое суток ей удалось почувствовать

себя хоть немного счастливой. Или, по крайней мере, спокойной.

— Доброе утро, Светлана.

Голос раздался прямо над ухом. Она вздрогнула, нехотя открывая глаза, и увидела Макото. Узнать его было сложно: безупречный костюм, начищенные до блеска туфли, стильная оправа очков. Казалось, этот человек только что сошёл со страниц модного журнала, а не бродил по пригородным зонам, и смотрел на неё сверху вниз. Быстро поднявшись и отряхнув плед от травы, ответила:

— Доброе. Здесь очень красиво. Спасибо за экскурсию.

— Пожалуйста. Природа в этих местах необыкновенная, — мужчина выдержал паузу. — Уверен, у вас есть вопросы. — А то! — в голосе Светки прорезалась накопившаяся за ночь раздражительность. — Почему вы выбрали именно меня? Я обычный программист, пишу бэкенд. В Москве таких тысячи, в Японии явно не меньше. И почему в доме нет нормальной кровати? А подушки? Связь отсутствует!

Макото помолчал, затем плавно опустился на траву рядом с её пледом и жестом пригласил сесть.

— Вы слышали о Мирре? — спросил он тихо.

— Нет. А должна была? Кто это?

— Хранительница старых знаний, жившая в этих местах очень давно. Говорят, её память не умерла вместе с телом. А иногда просыпается в других людях. Как отзвук былого.

— Реинкарнация? — Светлана усмехнулась, чувствуя, что

внутри всё сжимается от нелепости разговора. — Я не верю в такие сказки.

— Не реинкарнация, — мужчина покачал головой. — Отголосок. Частота, которая может случайно совпасть. Как две струны, настроенные в унисон. Ударишь по одной — вторая зазвучит сама, без прикосновения.

— Зазвучит как бред, — отрезала девушка.

— Возможно, — Макото не стал спорить. — Проверим.

Прежде чем Светка успела отдернуть руку, он быстро и крепко сжал её пальцы. Не больно, но уверенно.

Мир дрогнул.

Звуки исчезли мгновенно, как будто кто-то выдернул шнур из розетки. Ветер стих. Ослепительное жёлтое поле рапса померкло, потеряло цвет и растворилось в густой, серой дымке. Реальность раскололась, пропуская невообразимое.

Они парили в абсолютной темноте, пронизанной миллионами светящихся, пульсирующих нитей. Тел не было — только сгустки света, искрящиеся, вибрирующие, взрывающиеся и схлопывающиеся. Светлана хотела закричать, но рта не было. Тем не менее, крик прозвучал. Его слышали все. Они знали мысли друг друга. И знали мысли других. Их были миллионы. Сотни миллионов. И все кричали одновременно.

Эти мысли причиняли физическую, невыносимую боль. Ощущение было таким, словно человека рвали на части, а

затем каждый кусок наспех сшивали тупой, ржавой иглой, цепляющей и раздирающей фасции. Игла царапала кости, вызывая тошнотворную, сухую горечь в горле. Боль была всепоглощающей.

«Зачем мы здесь? Больно! Верните меня! Домой!»

Светлана ощутила тотальную беспомощность всех разорванных кусочков сознания. Их панику. Их первобытное отчаяние. И самое страшное: девушка тоже была частью этого. Одна из миллиарда нитей. Одна из искр в этом аду.

— Хватит! — мысль вырвалась сама собой, как разрыв плотины.

Парение оборвалось.

Макото разжал пальцы. Девушка рухнула на колени в высокую траву. Реальность вернулась с оглушительным треском: ослепительно жёлтые цветы, тёплый ветер, крупная бабочка взмахнула крыльями и лениво улетела. Люди вдалеке продолжали смеяться, ничего не замечая.

Светлана сидела на корточках и тихо, беззвучно плакала. Слезы капали на зелёную траву, оставляя тёмные, влажные пятна. Боль всё ещё жгла изнутри — навязчивое ощущение, что с неё содрали кожу, обнажив нервные окончания. Девушка огляделась. Мир был прежним. Но внутри всё рухнуло. Всё, что было знакомым, логичным и родным, рассыпалось в прах. А она... может быть, даже не Светлана?

Макото стоял, спокойный и неподвижный, как скала.

— Теперь вы видите, — произнёс он ровно. — Мы не од-

ни.

Светка долго сидела на коврике, обхватив колени и уткнувшись в них лбом. Мыслей не было. Болела голова, подташнивало, руки мелко дрожали.

— Мне пора, — пробормотала и, с трудом поднявшись, принялась лихорадочно собирать вещи.

Обратная дорога в микроавтобусе прошла как в тумане, заняв менее часа. Автобус высадил её у калитки и поехал дальше. Зайдя в пустой дом, Светлана через силу заставила себя поесть принесённый японкой завтрак. Еда шла тяжело, застревая в горле. Холодный кофе делал поздний завтрак, а может, ранний ужин, ещё более печальным.

Она нашла в дорожной аптечке успокоительное, выпила пару таблеток, запивая их тёплой водой, и, не раздеваясь, легла спать, надеясь, что сон будет без сновидений.

Глава 7. Отпечаток

Утро в Минамибосо началось с настойчивого солнца, пробивающегося сквозь щели в шторах. Светлана с улыбкой открыла глаза, полная сил и готовая свернуть горы. Мозг услужливо отгородил вчерашнее толстой бетонной перегородкой. Девушка так умела с самого детства: тревожные мысли — в дальний ящик, до лучших времён. Иначе можно и свихнуться.

Приняв душ, Светлана заглянула в холодильник. Вчерашний недоеденный завтрак, оставленный японкой, всё ещё стоял на полке. Разогрев остатки риса и открыв нетронутую коробку с рыбой, голодная девушка съела всё, запивая еду горячим, крепким чаем.

После завтрака, покопавшись в чемодане, Светлана достала на свет аккуратно упакованную в шуршащий полиэтилен «ту самую» блузку. Светло-кремовую, из плотного шёлка, с большим бантом на шее. Светка берегла её для «особых случаев», и сегодняшний первый день стажировки, безусловно, был таким.

Легко надев блузку и застегнув пуговицы до самого верха, принялась аккуратно крепить бант. Следом натянула узкую, тёмно-синюю юбку-карандаш, плотно облегающую бёдра. Быстро и много в такой конечно не походишь, зато фигура подчёркнута безупречно. Строгая элегантность — клас-

сика стиля.

Небольшое зеркало в ванной, как могло, транслировало отражение, которое Светлана осмотрела критически. Никаких следов вчерашних слёз, никакой растерянности. Строгий хвост без лишних деталей, сдержанный макияж и выразительный массивный бант — всё на своих местах.

«Настоящая бизнес-вумен», — мысленно констатировала девушка, поправляя воротник и расправляя плечи. Если выглядеть компетентно, собранно и дорого, возможно, удастся поверить в это самой. И, что важнее, заставить поверить в это Макото и всех остальных в холдинге.

Сапоги на небольшом, но устойчивом каблуке, сумка, *«ой, забыла, духи»*.

Щелчок замка.

Взгляд на часы. Пора.

Такси помчалось по незнакомому маршруту, что обязательно встретится вам в любом цивилизованном уголке планеты — улицы, машины, лица.

Здание офиса оказалось не офисом, а целым институтом. Сотни лабораторий, инновационных центров, помещений, о назначении которых лучше не гадать. Кругом люди — полностью сосредоточенные, молчаливые. Миновав ресепшен, Светлана вызвала лифт. Сегодня Светка распределена на седьмой уровень «Б», глубоко внизу.

За окнами кабины зашумел лес, взорвался брызгами водопад. Девушка невольно прищурилась, пытаясь разглядеть,

где заканчивается проекция и начинается стена. Не получилось. Водяная пыль оседала на стекле и тут же испарялась, оставляя лишь влажный аромат нагретой солнцем листвы. Приникла лбом к прохладной поверхности. *«Откуда? Кругом равнина, виденная из машины. А здесь — тропики?»*

— Молодцы японцы, — пробормотала Светлана. — Запейники.

Рядом замигал циферблат — опаздываешь. Неохотно оторвавшись от панорамного окна, девушка шагнула в новую кабину. Опять лифт, опять одна. Пятнадцать минут в пути — ни души. Видно, все уже трудятся, в поте лица.

Новый этаж встретил толщей голубоватой воды за стеклом — от пола до потолка. Светлана вздрогнула. Плавать она не умела, наводнений боялась, а жить у моря никогда не мечтала. В толще воды, далеко-далеко, быстро проплыл силуэт — не то рыба, не то подводный аппарат. Медленно, величественно. Представив, каково это — жить на дне, где сверху давит километр воды, а ты всё равно дышишь, зажмурилась. Стало не по себе от подобной мысли, но отвести взгляд было просто невозможно.

— По-моему, ваши дизайнеры перегнули, — тихо пробубнила новоявленная стажёрка в пустоту.

Стрелка погасла. Часть стены растворилась. Огромный стеклянный зал, разрезанный прозрачными перегородками, раскрылся перед Светланой — и девушка замерла.

Вместо ожидаемой пустоты помещение заполнили светя-

щиеся сферы. Стены, пол, потолок — всё дрожало от их мерцания. Вблизи сферы оказались не стеклянными — скорее похожими на мыльные пузыри. Колыхались, переливались, и внутри каждой что-то мерцало. В ближайшей сфере Светка увидела своё лицо — искажённое, но узнаваемое, просто нужно смотреть внимательнее. А за ним, в глубине, проступал другой образ. Женщина в белом. Та самая, из ночных кошмаров, что не помнились утром.

«Господи, откуда?»

— А вы весьма непунктуальны, — раздался голос сверху. Девушка подняла голову.

— Надеюсь, это шутка, заменяющая приветствие. Доброе утро! — ответила Светлана, стараясь, чтобы голос звучал более ровно.

Макото стоял уже рядом. Что-то в нём опять изменилось: осанка прямее, плечи шире. Казалось, он вырос на голову.

— Доброе утро! Время — ресурс, которого у нас меньше, чем кажется. Пойдёмте.

Мужчина развернулся и быстро зашагал сквозь сферы. Светка, спотыкаясь, побежала следом, стараясь не касаться мерцающих поверхностей.

Ещё один лифт. На этот раз кабина залита зелёным свечением. Двери закрылись, кабину слегка тряхнуло. Уши заложило, как при резком наборе высоты. Голова закружилась, пол ушёл из-под ног.

— Выходим. Сейчас полегчает, потерпите, — донёсся го-

лос.

Двери открылись. Свежий, насыщенный кислородом воздух ударил в лицо. Глубокий вдох — и Светлана медленно осела на колени, теряя сознание. Мир сузился до тёмной точки.

Макото подхватил девушку, не давая удариться головой, и бережно устроил у корней небольшого дерева.

— Я не подумал, что столько резких переходов ваше тело может не выдержать. Дышите глубже. Медленнее.

— Что это? — прохрипела Светлана, с трудом поднимая правую руку.

На запястье сидел браслет. Чужеродный, тяжёлый. Впивался в кожу микроскопическими иглами.

— То, о чём можно только мечтать. На моей памяти вы — первый обладатель такого дара с момента Великого Исхода. Древо Миров вас признало.

Светлана дёрнула браслет — не поддался, словно врос в мышцы. Рука горела и немела.

— Снимите немедленно! — крикнула она, размахивая руками.

Девушка рванула браслет сильнее — и мощная волна энергии подняла её в воздух. Ветер ударил в лицо, волосы больно хлестали.

— Успокойтесь! Вы его уже не снимете, только навредите себе!

Крик стал ещё громче, отчаянным, выпускающим страх и

боль. А потом голос сорвался.

Один миг тишины — и Светлану потянуло вверх. Воспарив над деревом, нет, над Древом — гигантским, уходящим кроной в облака, замерла в вышине. Внизу стояли мужчина и женщина, склонившись над стариком, прикившим к стволу.

— Вспомни всё и не забывай, никогда, — повторяла женщина.

Древо опустило ветви к земле, бережно укрывая старика.

— Пойдёмте, госпожа, нам пора, — позвал мужчина.

— А это не страшно?

— Страшно. Но страх — полезный опыт. Не бойтесь.

Шаги удалялись в закат, растворяя фигуры в золотом свете.

— Не уходите! Оставайтесь! — крикнула Светлана сиплым голосом.

— Светлана!

Макото тряс девушку за плечи. Пощёчина обожгла правую щёку. Глаза открылись. Макото стоял на коленях рядом, протягивая пачку носовых платков.

— Вы вцепились в дерево так, что я испугался за него. А оно достойно большего уважения. Это Древо Миров. Хранитель Мироздания. Его уничтожение приводит к весьма негативным последствиям. — Я был первым виновником его гибели. Поэтому прошу просто поверить на слово.

— Вы видели? Кто они? Почему я их знаю? Я их знала?

— Кого? — Макото рассматривал девушку с интересом.

— Светлана, кого вы увидели?

— Я не помню, — Светлана заплакала и закрыла лицо.

Несколько минут помолчали, каждый — о своём. Затем Светлана медленно опустила руки и стала рассматривать браслет. Кожа вокруг узора слегка побагровела, сам узор стал частью запястья и уже не казался чужим. Голова внезапно пошла кругом. Во рту пересохло, захотелось пить. Но именно сейчас мысли зазвучали удивительно ровно, настроившись по одному камертону. Это было весьма странное ощущение.

Макото заметил её взгляд.

— Светлана, вам нехорошо? Это нормально. Ваше тело привыкает к симбиозу с браслетом. Отдохните, восстановите силы.

Светлана хотела спросить, долго ли продлится «восстановление», но вместо этого прижала ладонь к стволу молодого Древа, у которого они находились. Под тёплой корой что-то мерно пульсировало. С каждым ударом пульса усталость отступала, смывалась. Сухость во рту исчезла. В голове прояснилось.

— Древо, — прошептала девушка.

— Оно живое, — ответил Макото. — Его корни уходят так глубоко, что уму не постичь. Оно слышит то, чего не слышим мы, и превращает неслышимый гул в чистый тон. Тот самый, на котором говорит сама жизнь. А ваш браслет — посредник между вами. Вы ему — усталость, оно вам —

ясность. Замкнутый круг. Макото посмотрел на девушку и улыбнулся. — Поэтому мы здесь. Поэтому Архив вырос вокруг Древа, а не на пустом месте. Вы должны возвращаться к нему, пить его тишину. Пока однажды оно не проснётся настолько, что само будет приходить к вам. Где бы вы ни были.

Глава 8. Координаты приняты

Светлана сидела на влажной земле, крепко прижимая правую руку к груди. Браслет больше не обжигал. За последние минуты он изменился: приобрёл оттенок её собственной кожи, стал почти незаметным, словно сложная, древняя татуировка, проступившая из-под поверхности. Но в глубине узор пульсировал мерно и глубоко, в такт с её собственным, всё ещё учащённым сердцебиением.

Воздух в роще внезапно застыл. Листья на деревьях перестали шевелиться, повиснув, как приклеенные. Птицы смолкли. Даже ветер, секунду назад шуршавший в кронах, исчез, будто кто-то выключил звук у самой реальности.

А потом браслет дрогнул.

Это был не звук и не движение. Это был толчок — глухой, низкий, идущий из самой глубины запястья. Волна прошла вверх по руке, ударила в грудную клетку, заставив сердце замереть, и ушла дальше, в землю. Земля отозвалась мелкой дрожью, от неё завибрировали камни под ногами.

— Что это? — Светлана отшатнулась, инстинктивно поджимая колени.

Узор на руке вспыхнул тёмно-синим, почти чёрным цветом, с серебряными искрящимися вкраплениями. Медленно, гипнотически закрутилась спираль. Тепло, которое она чувствовала раньше, мгновенно сменилось ледяным, прони-

зывающим холодом. Воздух вокруг запястья покрылся тонким слоем инея. Роса на траве у ног замерзала на глазах, превращаясь в острые, хрупкие иглы.

— Не двигайтесь, — Макото мгновенно оказался рядом, готовый заслонить её собой от невидимой угрозы. — Дышите ровно. Не сопротивляйтесь. Идёт синхронизация.

— С чем?! — прокричала девушка, но голос прозвучал глухо. Холод поднимался выше локтя, к плечу. Кожа онемела, потеряла чувствительность, а внутри, в самой глубине костей, разгоралось странное, тягучее, почти обжигающее тепло.

— С чем-то очень далёким, — прошептал Макото, напряжённо наблюдая за её рукой. — Чувствуете вектор? Не боритесь. Позвольте ему пройти.

Светлана закрыла глаза, потому что реальность вокруг начала плавиться.

Мир раскололся. Вместо сырой рощи и запаха прелой листвы развернулась пустота — живая, дышащая, бесконечная, пронизанная миллиардами светящихся лучей. И в центре этой бездны — сигнал. Он ощущался как физическое натяжение тончайшей, но невероятно прочной нити. Словно кто-то бесконечно далёкий, обладающий немыслимой силой, тянул эту нить через бездну, сквозь звёзды, сквозь вакуум, сквозь слои времени, и теперь нить зацепилась за неё.

Нить вибрировала на одной-единственной частоте.

«...нашла...»

Шёпот прозвучал прямо в сознании, резонируя в костях черепа. На секунду показалось, что это голос самой Вселенной, древний и равнодушный, несущий в себе искру узнавания.

«...координаты приняты. Путь открыт.»

Стало больно. Страшно. Браслет раскалился добела, и Светлана беззвучно вскрикнула. Перед глазами мелькнула живая, пульсирующая карта галактик. Яркая золотая линия соединила две точки: одну — здесь, у корней Древа на Земле, другую — в далёкой, фиолетовой дымке на краю неизвестной галактики, где звёзды рождались и умирали быстрее, чем миг.

И линия начала сокращаться. Медленно. Неумолимо. Сближая две точки бытия.

— Светлана! Вернитесь! Держитесь за землю! — голос Макото прорвался сквозь космический гул, разрезая видение.

Девушка резко открыла глаза, жадно хватая ртом воздух.

Реальность обрушилась с оглушительной силой. Трава, иней, дрожащий браслет, пульсирующий уже спокойно и ровно. Всё вернулось на свои места. Холод отступил, оставив после себя лёгкую дрожь в конечностях.

— Вы слышали? — тихо спросил Макото, стоящий на коленях рядом. Мертвенно-бледное лицо украшала благоговейная улыбка.

Светлана кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Незем-

ной шёпот всё ещё звенел в ушах, а на языке остался стойкий привкус окислившейся меди.

«А откуда я вообще знаю, какой привкус у окислившейся меди?»

Эта мысль заставила её улыбнуться.

— Он откликнулся, — выдохнул Макото, поднимаясь на ноги и стряхивая с колен землю. — Связь установлена. Канал стабилен.

— Кто откликнулся? — выдавила Светлана, наконец обретая дар речи, с трудом фокусируя взгляд. — Акх? Тот, из видения?

— Вы знаете имя? — Макото взглянул на неё с новым, острым интересом.

— Не уверена. Просто... всплыло в голове.

— Это Он. Хранитель. Тот, кто ждал в другой галактике, пока Древо не подаст знак, что носитель пробудился. — проговорил тихо Макото. — Вы только что отправили координаты и стали для него резонатором.

— Акх уже идёт сюда? — Светлана медленно подняла голову и посмотрела на небо, затянутое серыми облаками. — В прямом смысле, идёт?

Где-то там, в холодной темноте космоса, кто-то услышал её. Кто-то ждал этого сигнала сотни, а может, и тысячи лет. Готова ли она, обычный программист из Москвы, к такому повороту?

— Летит, — кивнул Макото. — Надеюсь, прилетит скоро,

если ничто не помешает. Главное, что сигнал принят. Мы сделали всё, что могли.

Мужчина потёр руки, пытаясь согреться, и закрыл глаза, выдохнув с огромным облегчением.

Правда, облегчение длилось недолго.

Браслет на руке Светланы дёрнулся снова. Металлический привкус во рту усилился, сменившись тошнотворной горечью. Светлана ощутила внезапный, дикий голод, захотелось чего-то солёного, чтобы перебить этот вкус. Волосы на руке встали дыбом от статического электричества.

Воздух вокруг потемнел. Свет впитывался в пространство. Листья на ближайшем дереве почернели по краям за считанные секунды. В голове, словно чужая мысль, пронеслось чёткое, леденящее предупреждение: «...диссонанс... тень близко... они почувствовали всплеск...» Зубы заныли от резкого перепада давления.

— Тени, — произнёс Макото. Лицо мгновенно окаменело. — Стражи Порядка Империи. Они уже вычисляют ваши координаты по искажению поля, которое вы только что произвели.

Светлана с трудом поднялась на ноги. Промёрзшая насквозь трава хрустела под сапогами. Браслет пульсировал часто и горячо, требуя активного действия.

— Великолепно, — горько, с надрывом усмехнулась она. Истерический смешок вырвался сам собой. — Сначала похищение, потом видения, теперь межгалактический вызов и

какие-то Тени, Империя. А я просто хотела починить баг в коде и работать дальше. Ах да, ещё пройти стажировку в Японии. — Девушка обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь. — И, возможно, немного попутешествовать.

— Успеете, если хватит времени и решимости. — Макото достал из кармана плаща небольшой металлический цилиндр. — Возьмите. Это глушитель резонанса, который смажет частотный след на время. Поторопимся. Если Тени почувствовали ваш импульс, считайте, что они уже здесь, за деревьями.

— Хорошо. Я собралась. Честно, — Светлана взяла цилиндр. Металл был неожиданно тёплым, вибрирующим в ладони.

Макото развернулся и шагнул в сторону, где тени сгушались неестественно густо, образуя непроглядную, движущуюся стену. Светлана пошла следом. Браслет на её руке гудел, синхронизируясь с шагом, ведя прочь от того места, где только что открылись врата в другую галактику.

Глава 9. Потеря эталона

Они шли долго и молча. Лес вокруг сгущался, превращаясь в лабиринт из вековых сосен и цепких корней, которые, казалось, специально вылезали из-под мха, чтобы подставить «ногу».

Усталость била по коленям мелкой, предательской дрожью. Ступни горели так, словно по ним прошлись наждачной бумагой и острыми гвоздями, а жажда пересушила горло до болезненного першения. Будь её воля, на ногах давно бы оказались старые, потрёпанные кроссовки, а не эти абсолютно бесполезные в лесу элегантные сапоги на каблучке. В первый день на новой работе так хотелось показать себя с лучшей стороны, выглядеть профессионалом! А тут вырядилась: узкая юбка-карандаш, сковывающая каждый шаг, блузка с дурацким бантом, который давно развязался, и короткая куртка, совершенно не спасающая от сырой лесной прохлады. Капроновые колготки на правом бедре безнадёжно зацепились и порвались, а грязная обувь с каждым шагом обростала тяжёлой, липкой глиной.

Макото внезапно сбавил шаг и замер. Светлане представилось, что он не просто замер, а врос в землю, превратившись в ещё один неподвижный ствол. Голова мужчины чуть наклонилась, прислушиваясь к чему-то, недоступному её слуху.

— Что случилось, наставник? — Девушка остановилась, с трудом удерживая равновесие на скользком корне, и поправила съехавшую юбку. — Мы потерялись?

— Тише, — прошептал мужчина, прикладывая палец к губам.

Светка инстинктивно прикрыла рот ладонями и закрутила головой, всматриваясь в полумрак между деревьями.

«Вероятно, Избранные самим Древом должны быть по-особразительнее, — с горькой иронией мелькнула мысль в её светлой голове. — Видимо, выбор оказался неудачным. Интересно, кто пожалеет об этом первым?»

Ответ напрашивался сам собой, и от этой мысли по спине пробежал холодок.

Тучи, висевшие над верхушками сосен, потяжелели и набухли, наливаясь свинцовой тяжестью дождя. Воздух стал спертым, с резким привкусом озона, всегда предвещавшим грозу. И тут браслет на руке нагрелся. Не просто потеплел, а зачастил мелкой, вибрирующей дрожью, от которой волосы на теле встали дыбом.

Над кромкой леса, быстро и бесшумно снижаясь, появилась маленькая точка.

— Имперский дрон, — прошептал Макото. Резким движением ухватил Светлану и увёл в сторону, за широкий ствол векового дуба, в темноту.

Дрон завис над поляной. Ни винтов, ни сопел — идеальная геометрическая фигура, похожая на сплюснутую каплю

ртути. Агрегат просто висел в воздухе, игнорируя гравитацию, и медленно, методично сканировал пространство.

Из-под основания лился не свет, а нечто иное. Ровная, бесстрастная частота прощупывала поляну, лес и их. Светлана почувствовала это физически: по коже пробежала волна покалывания, от которой перехватило дыхание. Дрон не атаковал. Он не стрелял. Он делал что-то гораздо более жуткое.

— Не двигайтесь, — одними губами, без малейшего выдоха, произнёс Макото, стоя к стажёрке спиной и заслоняя собой. — Не меняйте ритм дыхания. Не ускоряйте сердцебиение. Ему нужна реакция. Эмоциональный всплеск, диссонанс. То, что можно зафиксировать и передать в отчёт как аномалию.

Светка замерла и перестала дышать, боясь, что даже шум выдоха покажется машине подозрительным. Сердце колотилось где-то в горле, как пойманная птица, но девушка изо всех сил пыталась заставить его биться медленнее.

«Я просто дерево. Я просто камень. Меня здесь нет», — твердила она про себя, пытаясь обмануть собственные биоритмы.

Светка продержалась так секунд тридцать, показавшихся ей вечностью. Ледяное покалывание на коже усилилось, прошло по лицу, задержалось на груди, там, где под тканью блузки бешено колотилось сердце. Затем, так же внезапно, как и появилось, ощущение исчезло. Дрон дрогнул.

Светлана тяжело, судорожно выдохнула, выпуская накопившееся напряжение.

— А... а что он делает? — голос предательски дрогнул.

— Слушает, — так же тихо ответил Макото, не оборачиваясь. — Просто слушает. Ищет трещину в тишине.

Медленно, с плавностью, которая контрастировала с напряжением момента, Макото полез под полы своего серого плаща, вытащил длинный, тёмный стержень с глубокой винтовой насечкой по всей длине. Это был не просто кусок трубы. Это был инструмент.

Мужчина вытянул его перед собой, крепко сжал обеими руками и закрыл глаза.

Стержень низко загудел. Вибрация, издаваемая им, ударила прямо в кости челюсти, заставив зубы ныть тупой, ноющей болью. Воздух перед Макото на миг странно поплыл, исказился, как раскалённый асфальт над летней трассой. Пространство вокруг стало сворачиваться в невидимую воронку.

Дрон резко дёрнулся. Исходящий из его основания луч, заметался, перестал фокусироваться на одном месте. Агрегат начал хаотично сканировать пустоту, замигал тревожным красным и погас. Машина больше не смотрела на них, а двинулась в сторону, в поисках цели, внезапно и необъяснимо исчезнувшей из её сенсорного поля.

Макото резко крутанул стержень вокруг своей оси. Низкий гул сорвался в короткий, противный, скрежещающий визг, от которого у Светланы внутри всё сжалось.

Дрон пискнул высоко, растерянно, как сломанная игрушка. Его идеальная геометрия нарушилась. Он камнем рухнул вниз, в густую чащу леса. Послышался тяжёлый, звучный удар о землю, треск ломающихся сучьев, шуршание листвы — и затем, абсолютная тишина.

Светлана выдохнула, только сейчас поняв, что почти не дышала около минуты. «Молодец», — похвалила себя девушка и прищурилась, стараясь разглядеть в полумраке леса место падения дрона. Мысль, весь день прятавшаяся где-то на задворках сознания и упорно не желавшая складываться в слова, вдруг обрела чёткие, пугающие очертания: *«Это не игра. Это не квест и не корпоративный тренинг. Они будут возвращаться. И с каждым разом будет страшнее».*

Ей до боли захотелось зажмуриться — как в детстве, когда она пряталась от монстра под одеялом. Надеялась: если сама его не видит, значит, и он её не видит. Вдруг всё это просто исчезнет. Но Макото уже спокойно убирал стержень под плащ, и Светлана с ужасом поняла: стоит сейчас зажмуриться, а потом открыть глаза — и станет только труднее. Реальность никуда не денется.

В ушах звенело, как после взрыва петарды. Перед глазами плавали мутные, серые круги. Девушка пошатнулась, и мир накренился. Макото мгновенно оказался рядом, его сильная рука схватила её за локоть, не давая упасть в грязь.

— Выглядите не очень, — констатировал мужчина без тени улыбки или сочувствия. Просто факт. — Ваш браслет по-

пытался сгенерировать локальный щит, чтобы вас защитить, и поймал часть помех от сканера. Это пройдёт.

— У меня сейчас похмелье от частот? — пробормотала стажёрка, с трудом ворочая пересохшим языком. Во рту стоял отвратительный, стойкий привкус окислившейся меди и жжёной проволоки. — Всё для меня.

Девушка наклонилась, сорвала первую попавшуюся травинку и принялась её жевать, отчаянно пытаясь перебить металлический привкус. Не помогало.

— Часто такое будет? — спросила Светка, не глядя на него и вытирая грязь с разорванных колготок.

— Посмотрим, как получится, — уклончиво ответил Макото и отпустил её локоть.

Светлана потёрла виски, поморгала, пытаясь вернуть чёткость зрения. Потом посмотрела на лес, туда, где в кустах лежал кусок имперской технологии.

— Тот, что упал, вызовет подмогу?

— Уже нет. Его системы стёрты. Скоро пришлют следующий. Более чувствительный. Расслабляться рано.

Макото развернулся и пошёл дальше, не оглядываясь, словно ничего не произошло. Светлана поплелась за ним, стараясь не споткнуться о корни. Сапоги хотелось снять, бросить и потерять прямо здесь. Останавливало одно: босиком в этом лесу она не пройдёт и ста метров. Девушка была в чужом мире, и этот мир уже начал охоту.

Глава 10. Это долгая история

А потом они бежали.

Бежали целую вечность, лёгкие горели, а в висках стучала тяжёлая, пульсирующая боль.

Спустя час, перед ними возникла белая каменная стена, густо увитая старым мхом.

Светлана была готова рухнуть на землю. Макото не дал девушке упасть, подставив плечо. Прижал ладонь к шершавой поверхности камня, и на мгновение воздух вокруг его руки дрогнул, исказился. Каменная глыба, преграждавшая путь, бесшумно поднялась, открывая узкий тёмный проход, пахнувший сырой землёй и вековой пылью.

Светлана замерла на пороге, хватая ртом холодный воздух. Рассмотрев внизу крутую спиральную лестницу, высеченную прямо в камне и теряющую свои ступени в темноте, девушка невольно вздрогнула.

— Ого, ничего себе.

— Добро пожаловать в Архив, — в голосе Макото прозвучала гордость. — Думаю, после всего, через что мы прошли за последние сутки, можно перейти на «ты»?

Галантным жестом мужчина пропустил стажёрку вперёд.

— Можно попробовать, — слабо усмехнулась Светлана, пытаясь выровнять дыхание, и шагнула в темноту.

Спуск тянулся бесконечно. Боль впивалась в пятки, сво-

дила судорогой пальцы на ногах. Девушка рыдала, охала, уже не пытаясь сдерживать слёзы. И вдруг — нижний уровень. Светка ахнула: все эти муки будто стёрлись из памяти в одну секунду.

Перед ней открылся Собор знаний. Огромный, уходящий ввысь на десятки метров зал. Стены от пола до самого свода были укрыты стеллажами, забитыми не цифровыми носителями, а настоящими, осязаемыми артефактами: книги в потрескавшихся кожаных переплётах, свитки, запечатанные сургучом, мерцающие кристаллические пластины. В самом центре зала, над массивным дубовым столом, в полной тишине медленно вращалась голограмма Древа Миров, отбрасывая на стены призрачные золотые тени.

— Ух ты, — вырвалось у Светланы. Она крутила головой по сторонам, пытаясь охватить взглядом всё это величие и рассмотреть свод, теряющийся в полумраке.

Макото ловко, по-хозяйски, начал наводить порядок на огромном столе, сдвигая в сторону свитки и что-то разыскивая.

Светлана, не спрашивая разрешения, рухнула в ближайшее кресло с высокой спинкой и мягкой, потёртой бархатной обивкой. С наслаждением, очень медленно стянула сапоги. Ступни пылали, на пятках вздулись кровавые мозоли, а пальцы онемели от холода и тесноты. Погладила воспалённую кожу и вытянула ноги, чувствуя, как по телу разливается спасительное тепло.

— Наконец-то. Господи, как же хорошо, — прошептала Светка, закрывая глаза на секунду. Но тут же открыла их, и вся усталость сменилась острой, жгучей потребностью в ответах. Даже не заметила, как перешла на крик:

— Ну и что это было? Я хочу понять, во что я, чёрт возьми, влипла!

Макото нашёл старую аптечку и подошёл к девушке, выкладывая её содержимое на низкий столик.

— Покажи ноги. — Мужчина наклонился, внимательно осмотрел мозоли и щедро плеснул антисептик прямо поверх драных колготок. — Жить будешь. Тут у меня старая травяная мазь — отлично успокаивает. Намажь как следует, толстым слоем.

— Спасибо! — Светка вытерла проступившую кровь и принялась смазывать воспалённые ступни, неуклюже обматывая их бинтами, оставленными на столике.

Макото медленно опустился на холодный каменный пол, покрытый старым ковром, прямо напротив неё, скрестив ноги. Взгляд устремился в пустоту зала.

— Ты спрашиваешь про дрон или про тех, кто стоит за ним? — тихо уточнил он.

— Про всё! Про всё и сразу! Про дрон, про Тени, про этот браслет. Мне нужна правда, пока я совсем не потеряла последние остатки здравого смысла.

Мужчина кивнул, помолчал, затем полез во внутренний карман и достал маленькую, потрёпанную временем дере-

вянную лошадку.

Он поставил игрушку на пол между ними и заговорил монотонно, словно повторял эти слова бессчётное количество раз:

— Дааа. Это долгая история. Давным-давно, когда Древо Миров ещё хранило свою первозданную целостность, а небо над Землёй не было исполосовано холодными следами имперских зондов, жили те, кого ныне зовут Первородными, твои предки.

— Подожди, — выдохнула девушка, пытаясь осмыслить услышанное. — Ты сказал «твои предки», и у меня возник важный вопрос... Если не секрет, они только мои? Или это касается всех землян?

— Всех, — Макото поднял глаза на Светлану. Чуть откашлявшись, продолжил: — Первородные слышали песнь Вселенной, что текла сквозь Древо. Помнишь: «Вначале было Слово»?

На мгновение рассказчик замолчал, собираясь с мыслями.

— И однажды первородные постигли великую истину: способность слышать эту песнь не должна оставаться привилегией избранных. Потому даровали людям браслеты — связавшие тех с Древом и сетью Мироздания на частоте 432 Гц. С того момента каждый осознал: мир — это хор, в котором важен любой голос.

Светлана кивнула, но усидеть на месте не смогла. Осторожно, прихрамывая, подошла к ближайшему стеллажу.

Каждый шаг отдавался тянущей болью в ступнях, а бинты, наложенные наспех, начали сползать с пятки. Девушка остановилась и пальцы скользнули по корешкам книг, наткнувшись на холодную, идеально гладкую поверхность. Едва Светлана коснулась её, браслет на запястье отозвался нарастающей вибрацией, и в зале раздался звук колокольчиков.

— Осторожнее, — голос за спиной прозвучал резко. — Каждая пластина — сгусток чужой памяти, застывший в резонансе. Твой браслет пытается её считать.

Светлана отдёрнула руку. Звук стих.

Вернувшись к столу, уселась напротив Макото, продолжавшего неторопливое повествование:

— Но у вас есть ещё «родственники». Младшие. Ты их знаешь уже как Империю. Эти работают на более высоких, жёстких частотах, отлично корректирующих сознание.

— Ага. Не больно, да действительно, — тихо, с горечью согласилась Светка.

— Верно. В итоге получают стабильное, ровное, предсказуемое человеческое общество. Идеальный мир.

— Значит, Империя — главный злодей? — Светлана инстинктивно прикрыла ладонью браслет на запястье.

— Думаю, нет. Не злодеи, — Макото покачал головой. — Они просто фанатично стабильны и верят, что спасают миры от хаоса.

Мужчина встал, прочистил горло, прошёлся по каменному полу. Затем вернулся обратно и уселся на ковёр.

— А мы кто для наших родственников? — стажёрка почувствовала, как внутри всё сжимается от дурного предчувствия.

— Носители инфекции, — Макото хмыкнул, и в этом звуке не было веселья.

— Поясни, — Светлана округлила глаза. — Между прочим, на Земле с инфекциями бороться научились и даже давно делают прививки, а в такой продвинутой Империи о прививках не знают? Не поверю!

— Инфекция для Имперцев — не грипп, а свобода выбора. И на своей территории у них давно все привиты. Наступила наша очередь лечиться.

В огромном зале воцарилось молчание, лишь тихое гудение голограммы нарушало его. Светка смотрела на деревянную лошадку, и вдруг её пронзило догадкой.

— Твоя? — спросила она.

Макото ответил не сразу. Снова поднялся, направился в дальний угол Архива, где оставил свой плащ, достал из кармана маленький термос. Подошел к старинному серванту, открыл дверцу, глухо стукнув толстым фарфором. Через пару минут вернулся, неся две кружки с горячим чаем. Одну поставил перед Светланой, вторую — рядом с собой. Рука потянулась к игрушке, замерла на полпути. Пальцы сжались в кулак, разжались. Затем бережно, почти с благоговением, он взял лошадку и поставил рядом с кружкой, как охранника.

— Моя, — ответил мужчина нехотя.

— Видимо, она много для тебя значит, — пробормотала девушка, понимая, что задала не тот вопрос.

Макото не ответил. Поджал сильнее ноги и сделал глоток чая.

— Прости, я не хотела беречь, — Светлана вздохнула.

— Твоей вины в этом нет. — Это игрушка моей дочери, Сони.

Он моргнул. Влажный блеск на секунду поймал золотистый отблеск голограммы, и Макото поспешно отвёл взгляд, утратив привычную холодную сосредоточенность. Глубоко вздохнул и продолжил.

— Когда Соня появилась на свет, я захотел провести для неё обряд Приобщения. Как делали Первородные. Но дети Младших не были рождены для подобного. Веками странствуя, вступая в союзы с другими мирами, наша кровь впитывала чужие частоты. Она стала другой. Слишком высокой, чтобы Древо могло принять её без разрушения.

Светлана нахмурилась:

— А браслеты? Они же дают связь с Древом. Разве этого недостаточно?

— Браслеты — упрощённая связь, — спокойно пояснил Макото. — Через них слышишь Древо, чувствуешь его ритм — как радио, которое передаёт далёкую мелодию. Но Приобщение — это прямой контакт. Для Первородных он был нормой, а для наших детей стал приговором.

— А ты об этом не знал, — тихо предположила Светлана.

— Знал. Но любовь сильнее логики. Я лично привёл дочь к Древу. Тонкие ветви обвили её запястья поверх браслета. Она вздрогнула от первого импульса... а потом вспыхнула. Её кровь не выдержала переполнения частотой. Я держал её на руках, чувствовал, и ничего не мог сделать. Абсолютно ничего...

Голос дрогнул, но мужчина взял себя в руки.

— Тогда я пришёл к тем, кто тоже терял своих детей. И дал им решение — жёсткую, ровную частоту, подавляющую хаос. Так родилась Империя. Моей жене это не помогло. Она ушла, не простив меня.

Девушка задумалась, обхватив горячую кружку обеими руками. В голове крутились слова её отца, простые и понятные.

— Знаешь, — сказала она наконец, — меня отец учил: *«Сломал — чини, а не сожалей. Не можешь чинить — не ломай, чтобы не сожалеть».*

Макото замер с кружкой у губ, долго рассматривая Светлану, затем медленно, с каким-то новым, странным уважением кивнул и сделал глоток чая.

— Твой отец мудрый человек. И он прав. Только я не могу починить это в одиночку. Мне нужна твоя помощь.

Убрал лошадку обратно в карман, пряча свою слабость. Светка отставила кружку и поджала колени к подбородку, чувствуя, как холодный пол проникает сквозь тонкие колгот-

ки.

— Ладно. Допустим, я тебе действительно нужна. Хотя зачем — непонятно. — Девушка сделала скептическое лицо и развела руками. — Я не по этим делам, мне проще героизировать за компьютером.

Светлана аккуратно перемотала повязку на правой ступне, подтянула бинт на левой.

— Но и это можно пережить.

— Можно, — подтвердил её собеседник.

— Расскажи про Тени. Если я правильно поняла, это обычные призраки, которые пугают впечатлительных людей, как в фильмах ужасов?

— Тени не пугают. Они прилипают, — Макото подался вперёд. — Как частотные паразиты. Ловят твой самый глубокий страх, считывают его и проецируют обратно в виде идеальной иллюзии. Если веришь своим глазам — а человеческий мозг всегда верит тому, что видит, — они крепнут, питаются твоей энергией, и проблем становится больше. Тени могут довести до безумия или заставить сделать то, что разрушит любого изнутри. Единственный способ победить — найти в себе силы не поддаться иллюзии. Но это чертовски непросто.

— Н-да, ясно, — Светка потёрла виски. — Видимо, тот тип в пальто, что стоял у меня под окном в Москве, — тоже Тень?

— Хуже. Это Наблюдатели, биологические ретранслято-

ры. Местная фауна, перекроенная имперскими алгоритмами. Они даже не знают, что служат Империи. Они просто «видят и передают координаты зондам.

Макото засмеялся, потирая подбородок, на котором уже пробивалась щетина.

Светка закрыла глаза и какое-то время просто сидела так, пытаясь уложить в голове масштаб катастрофы.

— Значит, они нас всё равно найдут, — произнесла стажёрка себе под нос, скорее, как приговор.

— Найдут, — спокойно подтвердил Макото. — Но мы успеем подготовиться.

— Как? Заказать на маркетплейсе миллион пушек и расставить по периметру Земли? — Светка посмотрела на мужчину с плохо скрытым сарказмом, пытаясь вернуть себе хоть каплю контроля над ситуацией с помощью абсурдного юмора.

— О-о-о, пушки тут не помогут, — Макото покачал головой, и в его глазах мелькнула тень той самой усталой иронии. — Империя — это огромное государство в масштабе нескольких галактик. Расширившее свои владения без единого выстрела. Миры входят в её состав с радостью и добровольно. Недовольные — редкость. Повстанцы, остатки сопротивления в Срединных мирах... Для нас, землян, назвать их «сопротивлением» — смешно. Мы привыкли к войне, к стёртым городам, к боли. Здесь такого нет.

Подмигнул девушке, которая сидела, открыв рот, глядя на

него огромными, испуганными глазами.

— Ты это серьёзно? — Светлана обняла колени крепче, натягивая на них короткую куртку. В огромном зале вдруг стало зябко и ещё страшнее, хотя, казалось, страшнее уже некуда.

— Так как ты предлагаешь подготовиться? — голос дрогнул. — Если всё настолько плохо, у тебя есть рабочие варианты? Или мы просто ждём конца?

Макото размял плечи, и по тому, как поморщился, было видно, что разговор вытянул из него последние физические силы.

— Раскрываю основной секрет, — мужчина перешёл на шёпот, хотя в зале не было ни души. — Первородные. Те, кто когда-то спустился на Землю, добровольно отказавшись от своей божественной силы...

— Даже так? Ещё и Первородные боги? — Светлана закрыла лицо руками и нервно захихикала.

— Да. Не перебивай. — Макото провёл ладонью по лицу, словно стирая усталость. — Первородные добровольно отказались от своей силы — и ушли, чтобы стать людьми: смертными. Перед уходом создали Экран. Частотную мембрану, скрывающую планету от взора Империи. Эдакий фильтр, пропускающий только те частоты, что не несут в себе зла или контроля. Ну, и на прощание оставили ещё семена Древа.

Мужчина замолчал, давая информации усвоиться.

— Но сейчас Экран истончился. Слишком много носите-

лей, таких как ты, проснулись одновременно. Их резонанс создаёт трещины. Завтра покажу работу с локальным контуром, объясню, как латать дыры. А сегодня — спать. Вопросы закончились. Ты еле держишься на ногах, и твои частоты скачут. И да, — он попытался улыбнуться, но вышло неубедительно. — Всё не так уж плохо. Правда.

Макото поднялся, направился к выходу, на секунду замер в дверном проёме и вернулся.

— Я — не гостеприимный хозяин. Светлана, ты, наверное, проголодалась? Ужин через десять минут.

И вышел, не оборачиваясь, растворившись в темноте коридора.

Светка осталась одна в пустом, огромном зале. Долго сидела, глядя на голограмму Древа, которое медленно, величественно вращалось над столом, отбрасывая золотистый свет на её лицо. Браслет на запястье всё ещё пульсировал. Но теперь этот пульс не пугал. Он был ровным, тёплым. Напоминанием о том, что, несмотря на всё, они пока живы. И у них есть шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.